

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа*

нашей стране часто организуются красочные зрелища — фейерверки, которые служат украшением народных гуляний и торжеств. Большое значение в общественном быту приобрели также праздничные иллюминации.

В период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. была восстановлена давно сложившаяся традиция салютовать пущечными выстрелами и устраивать фейерверки в честь военных побед. Салюты и неизменно соединяемые с ними фейерверки возвещали стране о славных победах Советской Армии над немецко-фашистскими захватчиками, подчеркивали их историческое и государственное значение, служили как бы выражением общего ликования народа и его благодарности героям воинам.

* * *

Фейерверки как специальные зрелища или представления, устраивавшиеся в ознаменование событий государственного, общественного или частного характера, получили более или менее широкое распространение в России

в конце XVII в. Вместе с тем, в фейерверочном искусстве того времени стали впервые применяться сложные и разнообразные средства декоративного оформления.

Предшественниками фейерверков являлись примитивные огненно-световые зрелища, на рассмотрении которых следует попутно остановиться. Среди такого рода зрелищ самым простым и ранним по происхождению был ярко горящий костер, зажигавшийся народом на местах гуляний в дни святок, встречи нового года, масленицы и других праздников. Эти праздничные костры, в свою очередь, сохраняли память о древнейших обрядах народного культа.

Известно, что люди на ранней стадии развития человеческого общества фантастически отражали своими религиозными верованиями, мифами и обрядами господствовавшие над ними стихийные силы природы.

У всех народов в далеком прошлом обожествление огня и света наряду с другими явлениями природы является общепризнанным фактом. Еще великий русский ученый М. В. Ломоносов, отмечая этот факт, дал ему материалистическое объяснение. В своем стихотворном произведении „Письмо о пользе стекла“ он писал:

Взирая в древности народы изумленны,
Что греет, топит, льет и светит огнь возжеченный,
Иные знать хотят, кто с неба мог принести,
Представили в своем мечтанье Прометея,
Что многие на земле художества умея,
Различные казал искусством чудеса,
За то Минервою был взят на небеса,
Похитил с солнца огнь и смертным отдал в руки.

У восточных славян, например, многие обряды посвящались Перуну — богу грома и молнии или небесного огня. Перечисляя богов, почитаемых славянами, летописец писал: „Перун бывше у них старейший бог, создан на подобие человека, ему же в руках бывше камень многоценный, аки огнь, ему же яко богу жертву приношау, и огнь неугасающий з дубового древня непрестанно паляху“. В своих обрядах славяне чествовали и солнце, олицетворением которого на земле также являлся огонь — „священный“ дар небесного светила.

Чествование славянами своих наиболее почитаемых богов связывалось с чередованием времен года, наблюдениями изменений, происходивших в природе. Древнейшие обряды у земледельцев, связанные с культом солнца, совпадали с основными периодами трудовой деятельности — подготовкой к сельскохозяйственным работам, весенним севом, созреванием и уборкой урожая; они отражали в образной поэтической форме связь творческого труда человека с творческими силами природы. Позднее в условиях господства идеологии церкви, они претерпели значительные изменения или вовсе утратили свой прежний характер. Упоминавшиеся праздничные костры свидетельствуют о пережитках и трансформации наиболее распространенных в глубокой древности народных обрядов.

В начальный период русского централизованного государства многие праздники, в том числе установленные церковью, сохраняли еще в значительной мере обрядность дохристианского народного культа. В этом отношении отметим, например, праздник рождества Иоанна Крестителя, с наступлением которого народ справлял свои традиционные обряды (игрица), посвященные чествованию Ивана Купалы — „бога обиля“, с чьим именем у земледельцев связывались надежды на хороший урожай. Участники „игриц“, украшенные венками и зелеными ветвями, водили хороводы вокруг зажженных костров. Один из летописцев-монахов писал: „Купало, яко же мно, быва бог обиля.... ему же безумные... благодарение приношау, в то время, егда имяще настать жатва. Сему Купалу, бесу, еще и доныне по некоих странах безумные память совершают наченше июня 23 дня, в навечерие рождества Иоанна Предтечи, даже до жатвы и далей сицевым образом: с вечера собираются простые чад обоего полу и соплетают себе венцы из яdomого зелия или корения и препоясовшееся былием возгревают огнь, иnde же поставляют зеленую ветвь и, емшеся за руце около, обращаются окрест оного огня, поюще своя песни, преплетающе Купалом, потом через оный огонь прескаают, оному бесу жертву себе приносяще“. Об общем характере этого праздника, справлявшегося в старину, говорится в послании игумена Елеазарова монастыря к псковским властям в 1505 г.: „Еще есть остаток неприязни в этом городе, и не прекратилась еще здесь лесть идолъская, празднование Кумирское; когда приходит великий праздник Рождества Предтечева, тогда в эту святую ночь мало не весь город возмается и взбесится... Стучат бубны, голосят сопели, гудут струны; женам и девам плескание и плясание, и главам их накивание, устам их кличь и вопль, всескверные песни, хребтом их вихляние и ногам их скакание и топтанье...“ В этом послании раскрывается тенденциозная оценка бытовых явлений народной жизни со стороны представителей церкви — носительницы идеологии господствующих классов.

В тяжелой атмосфере феодального гнета народ находил в какой-то мере выход своим чувствам в массовых празднествах и гуляниях, в мечтах о красивой и сказочной жизни, в неисчерпаемом по своему содержанию и формам художественном творчестве. Исключительный оптимизм народа всегда сказывался на характере его массовых праздников, на содержании его художественного творчества. А. М. Горький справедливо отмечал: „Фольклору совершенно чужд пессимизм, не взирая на то, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно“.

Ряженья, выступления скоморохов, затейников, сказителей и музыкантов, веселые хороводы, песни и пляски, состязания в силе и ловкости — все это придавало жизнерадостный характер народным праздникам. И очень часто яркие костры были наиболее оживленными центрами массовых гуляний. Постепенно утрачивая свое культовое значение, праздничные костры надолго закрепились в народном быту и с течением времени стали служить лишь в качестве привычного огненно-светового,

декоративного оформления народных празднеств. В этом смысле они и до сих пор бытуют в некоторых сельских местностях нашей страны. Известно также, что пионерские костры служат средством яркого, красочно-декоративного оформления отдыха и развлечений советских школьников.

Наряду с праздничными кострами, в народном быту имели место „огненные потехи“, которые устраивались с использованием плауна.

Плаун, или ликоподий, — стелющееся по земле вечнозеленое травянистое, кажущееся мхом, растение. Это растение в различных районах нашей страны имеет названия: пыль, пыленка, деряба, ныхучка, попловушка и т. п. Зрелые сухие споры этого растения дают при зажигании мгновенную молниебразную вспышку без дыма. Благодаря своим качествам плаун не так давно еще применялся в некоторых отраслях промышленности, в том числе пиротехнике. В далеком прошлом он вполне естественно мог служить удобным и дешевым материалом для устройства народом огненно-световых зрелищ. Адам Олеарий — известный ученый и путешественник, наблюдавший эти зрелища в 30-х годах XVII в., писал о плауне следующее: „Это растение бросает вверх парные шишечки, которые в августе, будучи спелыми, собираются русскими в большом количестве, сушатся в печи, толкуются и продаются фунтами; порошок этот держат в пирамидальной форме жестянке, длиною с поллоктя, иногда и короче; ее берут в руки и сверху у отверстия держат зажженную свечу или факел; снизу подталкивают ее немного кверху, в воздух, так что немного плауна вылетает из отверстия. Свеча его подхватывает и он всыхивает. Если подобное подталкивание в воздух происходит непрерывно так, что одно пламя следует за другим или же, если разбрасывают его вокруг себя, то получается зрелище изумительное. В обществах можно устраивать хорошее развлечение с помощью плауна: если тайком наполнить трубку плауном и поднести к огню и дунуть, то неожиданно для сидящих вокруг выбрасывается сильное пламя; чтобы при этом получился сильный шум, примешивают сюда превращенную в порошок березовую листву. Свойство порошка плауна такое, что он загорается лишь будучи в воздухе рассеян над пламенем; в иных случаях он не горит, даже если сунуть в него зажженный фитиль или свечу, или если насыпать на горящие уголья... Пламя плауна изумительно, и очень весело смотреть на него, особенно когда его бросают ночью или в потьмах; им можно пользоваться для разных развлечений“. Тот же очевидец свидетельствует об использовании других веществ при устройстве огненно-световых зрелищ: „Если нет этого порошка (т. е. плауна), то можно пользоваться благовонным гумми или тонко истолченной древесною смолою (канифолью), которая, помимо развлечений, дает еще хороший запах в комнате“.

В XVI—XVII вв. в дни рождественских праздников и вплоть до Крещения, когда народправлял свои веселые „игрища“, скоморохи при помощи специально устроенных трубок и плауна производили всевоз-

можные „огненные потехи“. Упоминавшийся нами автор называл исполнителей этих потех халдеями и писал о них следующее: „Они ежегодно получали от патриарха разрешение в течение восьми дней перед Рождеством и вплоть до Крещения бегать по улицам с особым фейерверком, причем они прохожим зажигали бороды и особенно приставали к мужчинам; ... кто желал быть пощаженным, должен был платить копейку. Они были одеты как во время масленичного ряжения, на головах у них были деревянные размалеванные шляпы, а бороды были вымазаны медом, чтоб не быть зажженными огнем, который они разбрасывали. Их называли халдеями, обозначая так тех слуг, которые во времена царя Навуходоносора, по преданию, разводили огонь в печи, где предполагалось сжечь трех мужей — Анания, Азария и Мисаила. Может быть, в старину желали при этом помнить и о чуде, будто бы произошедшем при обращении. Огни они делали из особого порошка, который толкли из растения, называвшегося «плаун». Халдеи во время своего беганья считались язычниками и нечистыми, ... поэтому в день св. Крещения, во время великого всеобщего освящения, их вновь крестили, чтобы смыть с них эту безбожную нечистоту и вновь соединить их с церковью. По принятии крещения они вновь делались столь же чистыми и святыми, как и все остальные“. Основное содержание этого рассказа подтверждается и другими источниками.

Конечно, народные праздничные „вакханалии“ имели место не только в быту русского народа, но и других народов. В данном случае для нас особо любопытным является то, что иностранцы, наблюдавшие „огненные потехи“, устраивавшиеся в период рождественских праздников с помощью упомянутых трубок и плауна, называли их „особыми фейерверками“. Такое наименование не является случайным, так как и в западноевропейских государствах того времени вследствие дорожевизны бумаги для устройства фейерверочных эффектов часто начинались горючими составами трубки из тростника или деревянных налок, высверленных наподобие чубуков.

Известно, что в древней Руси скоморохи были носителями актерского мастерства, творцами первоначальных форм сценического искусства. А. С. Пушкин писал: „Драматическое искусство родилось на площади для народного увеселения“. Несомненно и то, что основой возникновения и развития фейерверочного искусства явились „огненные потехи“, имевшие с давних пор распространение в народном быту.

В XVI—XVII вв. более эффективные огненно-световые зрелища устраивались русским духовенством в связи с театрализованными обрядами церковного культа. В этот период, в общем процессе централизации русского государства, церковь принимала все меры к укреплению своей системы. С помощью государственной власти она принуждала народ соблюдать церковные праздники и посты, почитать вновь „открывающихся святых угодников“, выполнять все установленные обряды. Одновременно церковь пыталаась заглушить активное проявление художест-

венного творчества и самодеятельности народа, ибо видела в этом сохранение пережитков языческих верований и обрядов. Известны факты преследования скоморохов и уничтожения большого количества музыкальных инструментов, отобранных духовенством у народа. Надо к тому же учесть, что скоморохи и иные „греки“ зачастую были смелыми выразителями дум и чаяний народных низов, стихийного протesta трудающихся масс против феодально-крепостнического гнета. „Идея бога, — отмечал В. И. Ленин, — всегда усыпляла и притупляла „социальные чувства“, подменяя живое мертвичною, будучи всегда идеей рабства...“¹

Наряду с насильственными мерами церковь пыталась духовно сковать творчество и самодействительность народа путем устройства для него театрализованных обрядов, церемоний, процессий и т. п., которые играли большую роль в религиозной пропаганде. Они должны были наглядно разъяснять народу содержание церковных догматов, способствовать исчезновению в его быту пережитков народного культа. В некоторых театрализованных церковных обрядах, особенно в „действах“, устраивались значительные огненно-световые эффекты. Но прежде чем обратиться к примерам, отметим следующее.

Христианская религия с момента своего возникновения восприняла во многом обрядность народного культа и связанные с ним представления, переработав их в духе развивавшейся церковной организации. Так, например, церковь всегда давала огню и свету символическое или аллегорическое истолкование. Еще писатели древнехристианской церкви постоянно в своих сочинениях называли бога и Христа словами: *ignis* (огонь), *lumen* (свет) и т. п.

В частности, русская церковь в течение нескольких столетий утверждала, что внешним выражением „божественной воли“ является „священный огонь“, т. е. образ, близкий тогда народу по сохранившимся в его сознании и быту пережиткам народного культа. Богословско-мистическое значение „священного огня“ подчеркивается даже в официальных церковных документах XVII в. В одном из них по поводу объяснения причин установившегося обряда — крестного хода в день св. Константина и св. Елены — рассказывается о видении „священного огня“, данном Богом в церкви „праведному новгородцу Василию“: „Абие по всей церкви огнь распалияшеся; дверми же всеми концы пламы искохаху, и вся церковь яко огненна показалася. И абие спрятася огнь, и невидим бысть“. До начала XVII в. при освещении воды в день Богоявления священнослужитель говорил: „Сам человеколюбец царь прииди приществием святого духа твоего и освяти воду сию духом твоим святым и огнем“. Архимадрите Троицко-Сергиевской лавры Дионисий, которому было поручено в начале XVII в. внести исправления в некоторые церковные книги, выкинул из данной фразы в требнике слово „и огнем“. Тогда среди многих суеверных людей поднялся ропот и распространя-

лись слухи, что Дионисий, мол, хочет вывесть огонь из мира. Вследствие такого возбуждения народа Дионисий был отлучен от церкви и заключен в тюрьму. Но вскоре патриарх Филарет, стремившийся изжить из церковной обрядности все то, что в слишком откровенной форме напоминало о сохранении пережитков народного культа, оправдал Дионисия и последовал примеру последнего. Приведенные факты уже достаточно говорят о том, что в богословско-символической трактовке понятий о свете и огне виден отблеск сохранившихся тогда в сознании народных масс дохристианских представлений. Одновременно следует сказать, что церковь накопила большой опыт в применении различных средств воздействия на сознание и чувства верующих. Красочная обрядность, архитектура, живопись и т. п.— все это используется в качестве эмоционального оружия церкви. В этом смысле огню и свету также придается большое значение. Свет свечного огня под массивными и мрачными сводами старинных храмов или яркий электрический свет, вспыхивающий в современных нам церквях при выполнении определенных обрядов, являются и являются важнейшими элементами в общем комплексе всего того, что должно служить созданию эмоционально-религиозного или праздничного настроения народа. В данном отношении гибкость церкви проявлялась и в том, что в пасхальную ночь, в связи с обрядом воскресения Христа, у всех церквей (в недавнем прошлом) зажигались фейерверки или смоляные плошки.

Сказанное выше позволяет заключить, что церковь не случайно в XVI—XVII вв. организует в так называемых действиях и иных театрализованных обрядах огненно-световые эффекты или зрелища, подобные фейерверкам.

Для нас особый интерес представляет „пещное действие“, которое справлялось накануне и в дни рождественских праздников в Москве, Новгороде и других городах. Для исполнения его в церквях разбиралось большое паникадило, сдвигался амвон и устраивалась „пещь“. Это „действо“ напоминало зрителям легенду из „Ветхого Завета“ о ввержении в „пещь огненную“ трех отроков и их чудесном спасении. Как известно, отроки в сопровождении халдеев подводились к „пещи огненной“ и здесь происходил диалог, свидетельствующий об отказе Анания, Азария и Мисаила поклоняться языческому идолу — „золотому тельцу“. После этого халдеи, по повелению царя Навуходоносора, ввергали отроков в „пещь“ и разводили в ней огонь. При соответствующем „действии“ церковных песнопениях „ангел господень“ „сходил в пещь ко отрокам — в трубе велице зело с громом“. Тогда поверженные халдеи выражали свое удивление по случаю неожиданного появления посланца христианского Бога и невредимости отроков. Все заканчивалось выходом отроков из „пещи огненной“ и продолжением церковной службы.

В некоторых случаях „ангел господень“, освобождая отроков от сожжения, поднимал их вверх. Конечно это могло происходить только при сложном устройстве и тщательном оформлении „пещного действия“.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 93.

Значительные огненно-световые эффекты производились в тот момент, когда ангел слетал в „пещь велице зело с громом“. Английский посол Флетчер, будучи очевидцем справлявшегося в XVI в. „пещного действия“, писал: „...за неделю до Рождества каждый епископ в своей соборной церкви показывает трех отроков, горящих в иеци, куда ангел слетает с церковной крыши, к величайшему удивлению зрителей, при множестве пылающих огней, производимых посредством пороха...“ Упоминание здесь пороха указывает на использование пиротехнических изделий в „пещном действе“. Но, по-видимому, основным веществом, применявшимся при устройстве огненно-световых зрелищ в церковных действиях, являлся плаун. В Вологодской епархии в первой половине XVII в. производились особые сборы с церквей на закупку плауна для использования его в „пещном действе“. В описании „пещного действия“, исполнявшегося в Новгороде, указывается, что халдеи употребляли „трубки с плавучею травою“.

Большое значение придавалось устройству огненно-светового зрелища в театрализованном обряде другого церковного действия. Генерал Патрик Гордон, шотландец по национальности, честно и много лет прослуживший в России, в своем дневнике сообщает, что 19 февраля 1693 г. он присутствовал при богослужении с фейерверком. Выполняя со своим полком обязанности по охране царского двора, Гордон имел возможность часто наблюдать обряды, справлявшиеся русским духовенством.

В „Дворцовых разрядах“ — книге, фиксировавшей повседневную жизнь царского двора,— говорится, что в указанный Гордоном день патриарх Андриан со всем „освещенным собором“ совершал у соборной церкви позади алтарей перед литургией „действо Страшного суда“. Это „действо“ с давних пор ежегодно справлялось в торжественной обстановке в присутствии царя и патриарха, родовитой и служилой знати, войска и многочисленных зрителей из народа. Нам неизвестно в подробностях его содержание, но несомненно, что общий смысл заключался в том, чтобы напомнить о предстоящем, по преданию церкви, „Страшном суде“, о блаженстве праведных в раю и вечных муках в „геснне огненной“ тех, кто будет отступать от соблюдения учения и догматов православной церкви. Сюжет „Страшного суда“ получил широкое отражение в росписях древнерусских храмов и в иконописи. Основное место в них отводится показу различных групп грешников, испытывающих в „адском огне“ ужасные мучения.

Церковь, борясь активно с новыми веяниями в культуре и быту, которые она рассматривала как внешнее выражение роста еретических учений, крамолы и отступничества от православия, использует сюжеты „Страшного суда“ для закрепления своего господства в области идеологии. Так, например, упомянутый уже нами патриарх Андриан, желая подкрепить свои доводы против распространившегося среди дворянства брадобрития, писал: „Взгляните на икону Страшного суда: не видите ли

одесную Христа праведных, украшенных брадой, а ошую — бессерменов... и других брадобритников, с одними усами, подобно котам и исам? Брадобритие не только есть безобразие и бесчестие, но и грех смертный...“

В числе первых русских театральных пьес (конца XVII—начала XVIII в.) имеются такие, которые сохраняют в значительной мере содержание церковных действ, что дает возможность дополнительно выяснить их содержание. Известно, что „пещное действие“ немногим отличалось от пьесы под названием „Комедия о Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцах, в пещи сожженных“. Как в церковном действе, так и в пьесе огненно-световое зрелище имело одинаково большое значение. Аналогично этому, пьеса под названием „Страшное изображение второго пришествия Господня на землю“ может служить для выявления общего смысла и характера „действа Страшного суда“. Содержание пьесы представлялось главным образом в виде действия отвлеченных аллегорических персонажей, сопровождаемого церковными песнопениями и диалогами. Сначала появлялся „Мир“ (аллегория жизни) со „своими други, сиречь грехами смертными“, уверяющими, что удержат людей во власти своих страстей.. Его сменяла „честь божия“, в сопровождении „всемогущества“, „суда“ и „истины“. Отмечая умление „чести божией“ и рост беззаконий в мире, они обещают всякими бедами „пленити землю“ и после этого „истинным судом божия праведные убо оправдати, грешны же осудити“. Появившееся вслед затем „милосердие божие“ жалеет о предстоящей гибели мира, но „отмщение божие“ настаивает на этом и уговаривает „милосердие“ оставить землю. В результате ниспосланных богом бед — внезапных болезней, голода, убийств и т. п. „различного вида людие“ умирают и наступает кончина „Мира“, о котором здесь говорится, что он в отчаянии сам себя убивает мечом. В заключение „является премудрость божия на дузе с крестом и иини с ним держации книги отверсты, и прочая знамения страстей; трубам же гласящим, ангели мертвых возбуждают, и церкви предходящей на суд приводят. И тако праведницы оправданы на небо отходят, грешницы же осужденные в геенну отсылаются, и огнем горяще являются“. Следовательно, все заканчивается торжеством праведных в раю и муками грешников в „адском“ огне. Последнее, как говорится в программе пьесы, наглядно показывалось зрителям, что достигалось эффектным огненно-световым зрелищем. То же происходило в заключительной части действия „Страшного суда“, и это послужило Гордону основанием назвать подобное огненно-световое зрелище фейерверком.

По-видимому, в других церковных действиях и пьесах религиозного содержания также использовались различные огненно-световые эффекты. В качестве примера можно сослаться на пьесу под названием „Ужасная измена сластолюбивого жития с прискорбным и нищетным в евангельском пиролюбце и Лазаре изображенная“. В описании 8-го явления этой

пьесы говорится, что „ангеле с небесе сходит, имея ключ бездны, ярся зело на пиролюбца, и отверзает студенец геенский, от него же вольль, дым и пламень огненный исходит“.

На рубеже XVI—XVII вв. правительенная власть наряду с духовенством тоже начинает организовывать специальные зрелища для народа.

Известно, что Борис Годунов, имевший основание беспокоиться о прочности своей власти, внедрял новые обряды и зрелища в целях политического и религиозного влияния на широкие народные массы.

В одном из официальных документов начала XVII в. приводится также следующее известие о Лжедмитрии I: „Отеческие законы ни во чюжь положити, и сотвори же некое бесовское игралице по образу ада всеядца, и оттуду хитростю некакою огнь изводя и невольне от дьявола всякому пророчествуя о себе, яко наследник тому хощет быть“. Религиозно настроенный дьяк, сохранивший в этой записи память об устройстве одного из зрелищ, называет „игралице“ бесовским и подчеркивает, что самозванец желал в глазах зрителей представить себя наследником дьявола. На самом деле, видимо, Лжедмитрий I в указанном „игралице“, так же как и в других зрелищах, пытался внушить народу представление о законности своего наследования русским престолом. Это „игралице“ представляло собой фейерверочное зрелище, содержание которого определялось каким-то декоративным оформлением. В нем использованы были и сложные пиротехнические изделия, ибо в упомянутом известии говорится: „Хитростю некакою огнь изводя“.

В других источниках указывается, что Лжедмитрий в ознаменование своего бракосочетания с Марией Мнишек устроил большой фейерверк на Москве-реке против царских палат. При этом была показана, в частности, декорация в виде трехглавого змея (дракона), который „безпрестанно дышал огнем“.

При дворе царя Михаила Федоровича была учреждена особая „потешная“ палата, имевшая штат „потешников“, исполнявших небольшие комедии (игралицы) и организовывавших разные „веселости“. По всей вероятности, в числе последних устраивались также „огненные потехи“.

С начала XVII в. для получения огненно-световых эффектов в фейерверочных зрелищах использовались преимущественно пиротехнические составы, изготавливавшиеся на специальных заводах — „зеленых мельницах“.

В „Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки“, составленном в начале XVII в., приводятся подробные данные об изготовлении различных пиротехнических составов. В „Уставе“ упоминаются зажигательные, светящиеся в темноте, дымные и другие ядра, рецепты составов, потребных „ко огненным хитростям“ и „потешным стрельbam“, а также „зажигательные“ и „нарядные“ стрелы. Последние употреблялись почти до конца XVII в. не только в военном деле,

но и в целях развлечения. Ярко светящиеся в темноте, они запускались вверх и как бы являлись предшественниками взлетающих фейерверочных фигур (ракет и др.).

* *

К концу XVII в. были значительно подорваны основы церковно-богословской схоластики во всех областях культуры. Рост культурных потребностей, тяготение к роскоши и новым формам быта в среде господствовавшего класса, а также достижения в области пиротехники — все это способствовало развитию фейерверочного искусства. Отметим сначала фейерверк, сожженный в 1672 г., в дни масленицы, когда среди всех слоев населения организовывались разные „потехи“ и „веселости“. По словам современника: „В субботу царь (т. е. Алексей Михайлович, — В. В.) на Москве-реке, покрытой льдом, устроил травлю, в которой боролись между собою громадные английские и других пород собаки с белыми медведями... Зрелище было забавное, так как и те и другие часто не могли удержаться на ногах на сем скользком помосте. Вечером же царь ходил туда же смотреть на летающие потешные огни“. Несомненно, что устройство фейерверков на реке обуславливалось угрозой возникновения пожаров от действия фейерверочных фигур среди деревянных построек города. Кроме того, в этом находила, вероятно, свое отражение традиция зажигания у реки в дни масленицы праздничных костров. Упомянутые здесь „летающие, потешные огни“ представляли, по-видимому, широко применявшиеся уже тогда фейерверочные фигуры — ракеты.¹ Характерно, что в приведенном выше тексте о фейерверке, сжигавшемся в 1672 г. в Москве, говорится попутно, как будто речь идет об обыденном явлении, что, по всей вероятности, и соответствовало действительности.

В то время фейерверки устраивались и в других городах. В 1673 г. киевский воевода испрашивал из Пушкарского приказа ряд химических составов, необходимых для „гранатного дела“ в „духовые и зажигательные ядра“, в „зажигательные же нарядные стрелы“ и „во всякие потешные стрельбы“.

В 1674 г. в Устюге Великом, когда здесь проездом из Архангельска в Москву остановился голландский посол Кленк, был сожжен фейерверк, устроенный в честь встречи посла с соловецким воеводой. Фейерверк состоял из множества фейерверочных фигур-ракет и шутух.² Одновре-

¹ Ракета — фейерверочная фигура, которая быстро и высоко взлетала вверх, оставляя за собой, длинный огненный след, называемый обыкновенно лентой. При окончании своего полета ракета разрывалась и выбрасывала из себя горящие мелкие фейерверочные изделия.

² Фейерверочная фигура, змейка или шутуха, имела почти одинаковое устройство с ракетой. При полете в воздухе она описывала змеевидные, наподобие молний, огненные линии. Это фигура часто служила составной частью других более крупных — обычно ракет, которыми и выбрасывалась.

менно были зажжены на реке сто смоляных бочек. Это огненно-световое зрелище состоялось при большом стечении жителей города, собравшихся на берегу реки. Сюда же прибыли крестьяне из соседних деревень, но многие из них разбежались при действии фейерверочных фигур, приняв их за огненных змей. Последний факт говорит о необычайности устройства большого фейерверка в г. Устюге Великом, в отличие от Москвы, где подобные зрелища были уже частым явлением.

Из описания о пребывании посла Кленика в Московском государстве видно, что фейерверк, сожженный в г. Устюге Великом, рассматривался как внешний признак богатства и высокого положения устроителей. Это найдет впоследствии свое полное выражение в устройстве блестящих и дорогостоящих фейерверочных зрелищ в XVIII в., в период расцвета феодально-крепостнического строя Русского государства.

В конце XVII в. со стороны наиболее культурной части феодальной знати и служилого дворянства стал проявляться большой интерес к фейерверочным развлечениям. Сжиганием фейерверков увлекались, например, кн. Ф. Ю. Ромодановский, лично занимавшийся изготовлением и испытанием изделий потешной пиротехники, кн. В. В. Голицын, кн. Долгорукий, боярин П. В. Шереметев и другие лица.

С того времени развитие фейерверочного искусства тесно связывается с именем Петра I. Будучи еще молодым, в возрасте 17 лет, он питал большое пристрастие к фейерверкам, лично изготавляя фейерверочные фигуры и с участием окружавших его лиц сжигал их ради развлечения. Позднее сам Петр заявлял, что если любимым развлечением его отца являлась охота, то он к этому интереса не имеет, а что у него с юности была большая страсть к мореплаванию и фейерверкам.

Эффектные фейерверки первоначально устраивались молодым Петром в дни обычных тогда праздников — рождественских, масленицы и т. п. В 1690 г. по случаю масленицы в подмосковном селе Воскресенском, на реке Пресне, состоялось большое празднество, на котором присутствовали члены царской семьи, бояре, служилые люди и простые горожане. Празднество началось пальбой из пушек и парадом войск, а закончилось устройством фейерверка, состоящего из двух отделений. Сначала зажгли фейерверк на переднем дворе Пресненского дворца, действие которого продолжалось в течение двух часов. Во время этого фейерверка был убит один дворянин; на голову его упала неразорвавшаяся ракета весом в пять фунтов. Кстати сказать, несчастные случаи при сжигании фейерверков были частым явлением; устроители постоянно получали сильные ожоги или ушибы. Несмотря на упомянутый нами несчастный случай, в тот же день на внутреннем дворе дворца был сожжен подготовленный лично Петром другой фейерверк, действие которого продолжалось в течение трех часов.

Расширению производства разных фейерверочных фигур способствовало создание еще в 1680 г. в Москве специального ракетного заведения. Вскоре после этого были определены точные величины наружных

диаметров фейерверочных гильз — калибры по весу свинцовых шаров данных размеров. С тех пор появились названия: полуфунтовая ракета, двухфунтовый фонтан¹ и т. п.

Желая получить сведения о достижениях пиротехники и, в частности, фейерверочного искусства за рубежом, Петр постоянно интересовался новейшей западноевропейской литературой по данному вопросу. Для устройства фейерверочных зрелищ он иногда привлекал иностранцев-специалистов, проживавших в так называемой Немецкой Слободе. Но вместе с тем следует подчеркнуть, что русские пиротехники умели уже тогда не хуже „иностранцев“ изготавливать и сжигать фейерверки.

В 1693 г. в дни масленицы в селе Воскресенском были сожжены два фейерверка, из них один русскими, а другой иностранцами. Упомянутый выше Гордон в своем дневнике по этому поводу писал, что фейерверк, изготовленный и сожженный русскими пиротехниками, произвел, в равной мере с другим, превосходное впечатление на зрителей. В устройстве обоих фейерверков активное участие принимал сам Петр. В одном из них после троекратного залпа из 56 орудий вспыхнул белым огнем павильон с именным вензелем „генералиссимуса“ князя Ф. Ю. Ромодановского, являвшегося тогда „адмиралом“ Переяславской флотилии и начальником „потешных“ полков. Затем был освещен транспарант с изображением Геркулеса², раздирающего пасть льва. Этот фейерверк любопытен применением декоративного оформления. В сопоставлении „генералиссимуса“ Ромодановского с изображением Геркулеса, раздирающего пасть льва, содержится как бы намек на возросшую силу „потешного“ войска.

В том же 1693 г., будучи в Архангельске, Петр также придает одному устроенному там фейерверочному зрелищу определенное смысловое значение. Об этом фейерверке в описании поездки Петра на север страны говорится, что он, находясь на плоту, „потешные венцы, рокитки и гранадки спущал“. Одновременно на плоту были „чиненные потехи“, в том числе „кораблик“, оснащенный различными фейерверочными изделиями, создававшими при сгорании огненно-световой эффект. Упомянутый „кораблик“ символически выражал любовь Петра к морю и его начернение приступить к созданию флота.

В самом конце XVII в. резко изменился характер празднования государственных и общественных событий, что проявилось впервые в торжествах, организованных по поводу победы русских войск над турками в Азовскую кампанию 1696 г. Напомним, что в результате этой победы возрос престиж России на международной арене, упрочилось ее положение

¹ Фонтан — фейерверочная фигура, которая во время своего сгорания выбрасывала на довольно значительную высоту струю блестящих искр. Своим действием фигура напоминала сильную струю высоко поднимающегося водяного фонтана.

² Геркулес (Геракл) — герой античной мифологии, отличавшийся необычайной силой и мужеством.

жение на южных границах и у передовых русских людей окрепла надежда на успех борьбы русского государства за естественный выход к морским просторам. Петр поэтому счел необходимым всемерно подчеркнуть значение Азовской победы, используя для этого разнообразные средства.

Уже на второй день после взятия Азова в лагере русских войск состоялось празднование — раздавались громовые раскаты пушечных и ружейных залпов. Даже на стругах (небольших кораблях) произошла «всюду трижды заздравная радостная стрельба». Известный и ранее в русском государстве обычай отмечать отдельные события салютными выстрелами был исполнен тогда с особой торжественностью.

По пути возвращения в Москву некоторые полки во главе с Петром и другими военачальниками остановились в Черкасске, где 18 августа также праздновалось взятие Азова. В этот день, после обеда, который давал Петру донской атаман Фрол Миняев, был сожжен фейерверк, продолжавшийся до полуночи. Это был первый случай, когда наряду с салютными выстрелами был специально устроен фейерверк в честь военной победы.

30 сентября была по-новому организована в Москве торжественная встреча войск, возвратившихся из Азовского похода. По распоряжению Петра «мастер Иван Салтанов с товарищами» построил «нарядные триумфальные ворота», через которые проходили победители турок. Торжественное шествие войск неоднократно сопровождалось пушечными и ружейными салютами.

Не касаясь подробностей встречи в Москве полков, вернувшихся из-под Азова, отметим лишь, что в постройке и декоративном оформлении триумфальных ворот впервые нашли широкое применение такие элементы светского искусства, которые в первой четверти XVIII в. и позже будут постоянно служить для украшения официально парадных сторон русской жизни. Москвичи с изумлением взирали на диковинные «врата», на громадные резные статуи Геркулеса и Марса¹, поддерживавшие их свод, на расположенные во многих местах триумфального сооружения живописные картины, прославлявшие «труды командора» и храбрость «воев полевых и морских». На некоторых из этих картин события Азовского похода были выражены аллегориями, почерпнутыми из мифологии, античной литературы и искусства. В оформлении триумфальных ворот были также впервые использованы в небольшом количестве зажженные фонарики, послужившие началом устройства праздничных иллюминаций.*

Новые формы празднования военных побед нашли еще более яркое выражение в больших торжествах и увеселениях, организованных в феврале 1697 г., в дни масленицы. Эти празднества происходили у Красного Села (на окраине Москвы) при громадном стечении народа. Вокруг большого пруда и на его ледяном покрове были воздвигнуты сооруже-

ния, представлявшие подобие Азова, с башнями, воротами и «каланчами нарядными» (минаретами? — В. В.). Вся эта своеобразная декорация была иллюминирована.

Здесь, помимо различных «веселостей», были устроены «потехи изрядные» с участием полков, вернувшихся из азовского похода, — они разыграли сцены бомбардирования, штурма и взятия Азова.

Празднества по поводу Азовской победы, состоявшиеся у Красного Села, получили красочное оформление устройством фейерверочного зрелица, продолжавшегося с полуночи до утра. Об этом фейерверке один из современников сообщает такие подробности: «...на льду представлен был прекрасный фейерверк. Оный состоял из разных искусственных машин, расположенных был в двойном четырехугольнике и окружен всякого рода и всяких величин ракетами, которые занимали на льду великое пространство. Его царское величество находил отменное удовольствие быть между инженерами и участвовал сам в работании самой большой машины, которая была поставлена в средине прочих. Она представляла двоеглавого с распростертыми крыльями орла, который левою ногою бросал горизонтально ракеты в один рог полумесяца, что и происходило весьма удачно...»

Надо полагать, что зрители фейерверка с увлечением развлекались тем, как российский орел метко обстреливал турецкий полумесяц ракетами и как при этом последние разрывались с ослепительным блеском. Для своего времени это была трудная задача в техническом отношении. Помимо того, в приведенном нами сообщении говорится, что фейерверк «состоял из разных искусственных машин». Действительно, тогда было исполнено немало других декоративно-фейерверочных «потех».

Общий вид этого фейерверка запечатлен на гравюре А. Шхонебека (рис. 1).¹ Внизу гравюры, наряду с указанием имени художника и даты устройства фейерверка, приведены пояснения отдельных деталей изображения. На переднем плане фейерверочного зрелица, в специально прорубленном во льду пруда широком бассейне, была представлена декорация, изображавшая Нептуна,² плывущего на морском коне, с разрывавшимися вокруг фугасами. Нептун символизировал победу России на море. За ним, на ледяной площадке, возвышались триумфальные ворота, по сторонам которых тянулась «ограда» из «огнеметающих» ракет.

Центральное место (на втором плане) занимал огромный «монумент» в честь русского государства с подписью «victoria» (победа), на пьедестале которого имелось и аллегорическое изображение победы. Монумент был увенчан сиянием фейерверочных огней. По сторонам его помещалась упоминавшаяся уже декорация в виде парящего в воздухе «рос-

¹ Фоторепродукция с этой уникальной гравюры, хранящейся в Амстердамском музее, предоставлена нам доктором искусствоведения В. К. Макаровым. По его сведениям, гравюра была выполнена А. Шхонебеком еще до приезда в Россию, по указанию Петра I, в период пребывания последнего в Голландии.

² В античной мифологии — властелин морей.

сийского орла“, поражающего „турецкий полумесяц“,¹ что являлось обобщенным выражением успешных действий русской армии и, в частности, ее артиллерии под Азовом. В том же ряду стояли два транспаранта с изображениями русской армии и флота, осаждающих Азов, „победоносные столпы или трофеи“ и на площадке перед ними другие „столпы, из которых большии ракеты пусканы“, „светильницы две, различными огнями зрение удивительно освещдающие“, мортиры, выбрасывавшие потешные огненные ядра, и др. Весь фейерверк состоял из богатого и разнообразного набора изделий увеселительной пиротехники, создававших красивые огненно-световые эффекты.

В 1697—1698 гг., в период пребывания так называемого „великого посольства“ за границей, Петр и его помощники, выполняя важные государственные дела, имели также возможность непосредственно ознакомиться с фейерверочным искусством Западной Европы. Так, Браунбургский курфюрст Фридрих III устроил в честь Петра и посольства блестящий фейерверк, состоявший из трех отделений. В первом отделении были показаны восемь горящих пирамид с именем Петра, русским гербом и приветственной надписью. Во втором отделении, происходившем на дворцовом пруду, была показана декорация, представлявшая триумфальную арку с русским гербом и плавающими вокруг нее сиренами и лебедями, начиненными пиротехническими изделиями. В третьем отделении, состоявшемся также на пруду, была представлена декорация, изображавшая русский флот перед Азовом. Содержание этого фейерверка говорит о том, что Фридрих III, установивший тогда с Петром соглашение о дружбе, выразил признание большого значения победы русской армии и флота в Азовскую кампанию 1696 г.

Большой фейерверк в честь „великого посольства“ был сожжен и в Амстердаме. Здесь была сооружена на двух плоскодонных судах довольно сложная декорация, в центре которой находилась триумфальная арка высотой в 42 фута, с четырьмя колоннами. В боковых входах арки помещались высеребренные статуи Марса и Геркулеса, поддерживающие щит с российским гербом, вензелем Петра I и соответствующими надписями. Над триумфальной аркой возвышался земной глобус, покоящийся на хвостах четырех высеребренных дельфинов. В качестве украшения всей декорации были использованы многие иные мифологические изображения, урны на пьедесталах, гербы и другие предметы. Фейерверк начался с того, что загорелись российский герб и вензель Петра I. После этого вся декорация осветилась фейерверочными огнями, дей-

¹ На гравюре отчетливо видна прямая линия полета ракет, запускавшихся орлом в полумесяц.

Кстати, отметим, что двуглавые орлы, часто показывавшиеся в фейерверках начала XVIII в. и олицетворявшие Россию или русскую армию, не представляли собой официальный герб русского государства. Эти орлы были лишены таких присущих гербу атрибутов, как держава и скипетр в лапах, а также щитков (на груди и крыльях) с изображениями гербов царств и княжеств, вошедших в состав России.

ствие которых продолжалось 42 минуты. Об этом фейерверке в „Статейном списке“ посольства говорится: „Августа в 19 день по прошению амстердамских бургомистров великие и полномочные послы смотрели из особого дома нарочных, устроенных для них огнестрельных вещей, которые учинены на воде на ботах: четыре столба, наверху глобус, по всем углам днины морские, в середине орел двоеглавой великой, у которого на грудях и на персях написано латинскими словами: «великий царь Петр Алексеевич да живет»; (по обе стороны орла два мужа на четвероугольных столпа, пониже... орла стоял герб голанской), да около множества сосудов, в которых многие и великие ракеты, которые горели зело стройно и порядочно, и многие из себя разноцветные огни выдавали; и верховые ракеты зело добры и высоки были“.

По случаю пребывания Петра и „великого посольства“ в Вене здесь также организовывались празднества. В день именин Петра венский двор устроил великолепный бал и блестящий фейерверк, действие которого продолжалось около двух часов. Любопытно отметить, что фейерверк сжигался на противоположном от зрителей берегу реки, причем он начался по сигналу посланной Петром ракеты.

В свою очередь, будучи за границей, „великое посольство“ по инициативе Петра неоднократно устраивало фейерверки в ознаменование некоторых событий, отмечавшихся одновременно в Москве. Например, Петр получил в Амстердаме донесение с родины, что турки пытались вернуть Азов и совместно с крымскими татарами вторгались в низовья Днепра с целью вытеснить русских из укреплений. В частности, большое войско турок пыталось овладеть Таванском, но выполнить этого не смогло благодаря тому, что гарнизон города под начальством воеводы Василия Борисовича Бухвостова мужественно отразил врагов и принудил их удалиться. В числе многих убитых неприятелей был сам турецкий сераскир. По поводу Таванской победы „великим посольством“ было организовано в Амстердаме празднество, с приглашением на него многочисленных гостей. В заключительной части торжества был сожжен фейерверк.

В „Статейном списке“ посольства говорится: „Ноября в 28 день был в Амстердаме у великих и полномочных послов для одержания побед над турецкими войски триумф, на котором были многие начальные люди и амстердамские бургомистры, и по обеде пусканы многие художественные огнестрельные гранаты и верховые и водяные ракеты,¹ и была музыка“. Очевидно, фейерверк был внушительных размеров и отличался богатством своего оформления, на него было израсходовано 440 ефимков — довольно большая сумма для того времени.

Интересно, что этот и другие фейерверки подготавливались и сжигались русскими пиротехниками, находившимися в свите „великого посольства“. В упомянутом „Статейном списке“ иногда особо подчеркивается:

¹ Под водяными ракетами подразумеваются фейерверочные фигуры, сгоравшие на воде.

...огнестрельные потехи, и верховые и водяные ракеты, которые устроены от московских бомбардиров зело изрядные и удивления достойные".

Постоянное внимание Петра к подготовке кадров пиротехников и деятельность основанного им в Москве ракетного заведения способствовали улучшению составов пиротехнических изделий, применявшихся в фейерверочном искусстве. Один из очевидцев фейерверка, устроенного в феврале 1699 г. в Москве, писал об использовании тогда новых "серных составов". Вскоре после этого стали употребляться и изделия, дававшие цветные огни, получаемые путем прибавления к селитро-серным составам окрашивающих солей. Изготавляемые в самом конце XVII в. фейерверочные составы производили уже большие огненно-световые эффекты. При этом не всегда принимались необходимые меры для предотвращения легко возникавших тогда пожаров. Сохранилось известие о том, что летом 1699 г. в связи с прибытием шведского посольства был устроен в Москве фейерверк, и от запускаемых ракет возник пожар, продолжавшийся почти целые сутки. В результате этого в столице сгорели сотни жилых домов и других построек.

Обратимся теперь к публичным торжествам, организованным правительством Петра в связи с наступлением 1700 года. Как известно, с этого года было введено в России новое летосчисление и установлено начало календарного гражданского года с первого января. (В церковном обиходе новый год по-прежнему начинался с первого сентября).

В некоторых источниках имеются любопытные сведения, дающие яркое представление об общем характере спровоцировавшегося в 1700 г. в Москве праздника Новолетия.

Указом Петра I от 20 декабря 1699 г. предписывалось горожанам, проживавшим на "больших и проезжих знатных улицах", украсить свои дома на время с первого по седьмое января, ветвями сосновых, еловых и можжевеловых деревьев. Наступление нового года должно было отмечаться совершением специальных богослужений в церкви и молельнях. В указе также говорится: "Да генваря ж в 1 день, в знак веселия, друг друга поздравляя новым годом и столетним веком, учинить сие: когда на Большой Красной площади огненные потехи зажгут и стрельба будет, потом по знатным дворам Боярам и Окольничим и Думным и Ближним и знатным людям палатного, воинского и купецкого чина именитым людям, каждому на своем дворе из небольших пущечек, буде у кого есть, и из нескольких мушкетов или иного мелкого ружья учинить трижды стрельбу и выпустить несколько ракетов, сколько у кого случится, и по улицам большим, где пространство есть, генваря с 1 по 7 число по ночам огни зажигать из дров или хворосту или соломы, а где мелкие дворы, собравшись пять или шесть дворов, такой огонь класть или кто похочет на столбиках поставить по одной или по 2 или по 3 смоляные и худые бочки, и наполняя соломою или хворостом, зажигать".

Действительно, празднование Новолетия происходило в Москве в соответствии с данным указом. Так, в "Дворцовых разрядах" упоминаются

торжественное богослужение, парад войск и салют, а в "Поденной записке" отмечаются также факты устройства фейерверков и иллюминаций, сооружения триумфальных ворот и украшения многих домов "ветвями от разных дерев".

Один из современников писал, что в течение недели не умолкала пальба, производившаяся из 200 орудий на Красной площади и многих ружей на частных дворах. По словам того же очевидца, почуя везде горели огни и хлояли ракеты. Торжества закончились большой процессией (крестным ходом) на Иордань.

Огненно-световым зрелищам и эффектам отводилась большая роль в декоративном оформлении новогодних празднеств. Заслуживает внимания то, что все знатные лица, дворяне, служилые люди и купцы должны были "выпустить несколько ракетов, сколько у кого случится". Это свидетельствует о значительном производстве изделий потешной пиротехники. Интересно, что наряду с фейерверками было придано большое значение устройству широко распространенных в быту народа праздничных костров.

Новогодние торжества 1700 года смыкались с рождественскими и крещенскими "вакханалиями", во время которых уже издавна организовывались различные "огненные потехи". Обычай устройства последних имел место и в так называемый день Симеона Летопроводца (первого сентября) — ранее принятой даты начала гражданского года.

Кстати, отметим также, что не только в России, но и в других странах по случаю проводов старого и встречи нового года с давних пор справлялись большие празднества, которым сопутствовали салюты и "огненные потехи". Например, любопытны наблюдения участников русской дипломатической миссии, отправленной в Китай в конце XVII в. В дневнике этого посольства записано: "Генваря 7 дня к вечеру зачался в городе Пекине праздник, который через три недели продолжался и которой новая година торжествует, а именно когда первой месяц в году рождается. Он был объявлен звоном большого дворцового колокола, через пушечную стрельбу и боем некоторых барабанов, которые токмо при службе идолов употребляютца. По такому сигналу звук везде ракетами, шлагами,¹ и фузейною стрельбою возвзвенело, с которыми всякой обычатель по возможности радости своей оказательство предъявил".

* * *

В первой четверти XVIII в. осуществлялись основные реформы, связанные с именем Петра I. Эти преобразования, обусловленные всем ходом исторического процесса, имели огромное значение для укрепления и дальнейшего развития русского национального государства. Большие

¹ Шлагами назывались изделия, производившие различные выстрелы посредством пороха. В фейерверочных зрелищах шлаги употреблялись для создания эффектов, подобных раскатам грома, артиллерийским залпам и пр.

изменения происходили в области культуры и быта, что сказалось также на характере публичных мероприятий того времени. Много новшеств было внесено при праздновании государственных и общественных событий.

На рубеже XVII—XVIII вв. началась Великая Северная война, длившаяся 21 год. Россия в борьбе со Швецией ставила перед собой ограниченную задачу: добиться выхода к Балтийскому морю и возвратить исконные русские земли, что вызывалось жизненными потребностями развития русского государства. «Никто, — писал К. Маркс, — не мог себе представить великую нацию, оторванную от морских побережий и устьев ее рек... Россия уже не могла оставить в руках шведов устье Невы, которое являлось естественным выходом для сбыта продукции северной России... Петр завладел всем тем, что было абсолютно необходимо для развития его страны».¹

Несомненно, что Петр I, в отличие от шведского короля Карла XII, не строил несбыточных планов по завоеванию других государств. Известный историк XVIII в. И. И. Голиков, собравший много материалов о событиях первой четверти XVIII в., сумел хорошо выразить оценку русскими людьми своего времени политических устремлений Петра. По его словам, Петр „желал только возвратить отторгнутые шведами от России древние провинции и иметь на Балтийском море порт в пользу торговли поданных с европейскими народами... Умеренность сию никакие успехи у него не затмевали“.

При подстрекательстве и поддержке со стороны ряда западноевропейских государств Карл XII неоднократно отвергал предложения Петра о заключении мира. По меткому выражению того же И. И. Голикова, „Вся Европа обратила на него (т. е. Карла, — *B. B.*) взор свой. Франция ему похлебствовала, Англия ласкала, император (австрийский, — *B. B.*) опасался его оскорбить“.

Русская публистика того времени страстно разоблачала воинственный авантюризм Карла XII, высказывала решимость России отстоять свои права, укрепляла веру русских людей в победу над неприятелем. В этом отношении сыграли немалую роль и такие публичные мероприятия, как массовые празднества, триумфальные сооружения, парады и торжественные шествия войск, иллюминации, театральные и фейерверочные зрелища.

Останавливаясь специально на рассмотрении фейерверочных зрелищ начала XVIII в., необходимо сначала отметить следующее. В то время русские пиротехники изготавливали уже фейерверочные фигуры многих видов, что способствовало разнообразию и великолепию „огненных потех“. Все известные тогда в Европе изделия потешной пиротехники получили применение и в фейерверках, устраивавшихся в России. „Верховые“ фигуры — ракеты и им подобные — отрывались от земли и быстро

¹ К. Маркс. История секретной дипломатии XVIII века, гл. VI. Лондон, 1899.

поднимались вверх, оставляя плавные или зигзагообразные светящиеся следы. Другие („низовые“) во время своего сгорания производили огненно-световые эффекты или громкие выстрелы на самой площадке фейерверочного зрелища. При устройстве фейерверков вблизи водоемов употреблялись также изделия, горевшие на воде. В таких случаях ими начинялись особого рода фугасы, имеющие вид морских животных (киты, дельфины) и водоплавающих птиц (лебеди, гуси, утки и др.). Эти декоративные пиротехнические фигуры быстро плавали, вортелись, временами погружались в воду и, паконец, с выстрелами разрывались. Некоторые из них (в виде китов) выбрасывали струи блестящих искр.

В ряде случаев мелкие изделия присоединялись к более крупным, образуя сложные фейерверочные фигуры. Так, например, некоторые большие ракеты при разрыве выбрасывали мелкие изделия, создававшие впечатление ярко горевших и рассыпанных звезд или массы медленно падавших с высоты светящихся „серебряных“ и „золотых“ точек (капель) в виде „огненного дождя“. Не мало было также сложных наземных фейерверочных фигур.

Как простые, так и сложные изделия увеселительной пиротехники обычно сжигались группами и в различных сочетаниях друг с другом, создавая ту или иную декорацию фейерверочного зрелища.

Разнообразным сочетанием „верховых“ и „низовых“ фигур получались красивые и затейливые композиции. На довольно значительной высоте достигались эффекты, как бы воспроизведившие огромные букеты, снопы, гирлянды и пр., а на площадке — ряды блестящих фонтанов, водяные каскады, лиственные и цветочные мозаики, ослепительные солнца и колеса, вортящиеся мельницы, бриллиантовые пирамиды и иные виды фейерверочного убранства. Таким образом, эффективность и развлекательность зрелищ зависела в большей мере от изобретательности его устроителей. Фейерверочное представление слагалось обычно из многих сменивших друг друга композиций такого рода.

Наряду с чисто пиротехническими, огненными композициями в фейерверочных представлениях начала XVIII в. стали занимать значительное место специальные декорации, рассмотрению которых уделяется особое внимание в настоящем очерке. Мы имеем в виду декорации, придававшие определенное смысловое значение фейерверочным представлениям. Среди них надо назвать в первую очередь щиты, обведенные фитилями, пропитанными медленно горящими составами. Эти фитили давали сплошную огненную линию, а поэтому использовались для выполнения крупным планом всевозможных контурных изображений, посвященных тем или иным событиям.

В декоративном оформлении фейерверочных зрелищ большая роль отводилась транспарантам, наиболее пригодным для быстрого чередования тех или иных изображений. Эти изображения чаще помещались на обеих сторонах полупрозрачной материи транспаранта и становились видны зрителям в зависимости от его освещения то с одной, то с дру-

гой стороны. Употреблялись также трансиаранты с прорубленными отверстиями, сделанными в картоне, досках или ином плотном материале. Эти отверстия образовывали штриховой или сплошной линией контуры необходимого рисунка и освещались фейерверочными огнями с задней стороны трансиаранта.

Специальные декорации создавались также способами, известными в театральном искусстве. Так, для фейерверочных представлений изготавливались объемные декорации в виде павильонов, беседок, галерей, террас, бассейнов, обелисков, статуй, эмблем и т. п., которые в свою очередь оснащались различными пиротехническими изделиями.

Важно обратить внимание и на то, что в декоративное оформление фейерверочных представлений стали постоянно вводиться аллегорические и эмблематические изображения, выражавшие в наглядной, образной и лаконичной форме основную идею, содержание и значение данного празднества, торжества, события и т. д.

Со времени празднования в 1696 г. победы русских войск под Азовом основой этих аллегорий, символов и эмблем являлись сюжеты светского содержания, почерпнутые из истории, литературы, мифологии, приуроченные к современным событиям общественно-политической жизни.

Для Петровского времени характерно то, что символы, аллегории и эмблемы отражали не отвлеченные, абстрактные представления, а главным образом конкретные, реальные идеи, задачи, события, которые назрели, осуществлялись, имели место в действительности.

Как уже было сказано, для символо-аллегорических изображений очень часто использовались сюжеты античной мифологии. Это объясняется прежде всего усилением интереса образованной части дворянства к истории и культуре античного мира. Со времени Киевской Руси началось и затем не прекращалось знакомство узкого круга русских книжников с наследием классической древности. В Петровское же время, когда возросла образованная прослойка общества и произошли значительные сдвиги в развитии всей русской культуры, естественно повысился интерес к ознакомлению с античностью, образы которой так прочно вошли тогда в арсенал искусства и литературы Европы. Известно, что ряд деятелей Петровского времени пополнял с большим усердием свои библиотеки сочинениями древних авторов и непосредственно занимался их переводом на русский язык. В качестве примера, свидетельствующего об интересе к античности, можно также напомнить приобретение Петром замечательного памятника эллинистического искусства — статуи Венеры, получившей затем наименование Таврической и ныне находящейся в экспозиции Государственного Эрмитажа. Это была первая античная скульптура, привезенная в Россию.

В среде наиболее образованной части дворянского класса давно сложились представления об античном периоде истории как об эпохе героических событий и высокой культуры, что отвечало настроениям

Петра и многих его современников — участников его преобразований и событий большого исторического значения. Не случайным являлось, что образованные греки — современники Петра, скорбевшие о тяжелой участи своей родной страны под турецким владычеством, прибегали часто в своих литературных произведениях к образному уподоблению преобразований и событий в России в первой четверти XVIII в. историческим примерам политического и культурного подъема в древней Греции.

Необходимо также отметить, что широкое использование сюжетов и образов античной мифологии в фейерверочных представлениях, как и во многих произведениях искусства и литературы, являлось своеобразным средством утверждения светского направления в культуре и в быту. Светская тематика в ее самых разнообразных проявлениях внедрялась Петром в борьбе с закостенелыми, консервативными взглядами, сохранившими следы недавнего господства церковно-богословской холастики во всех областях идеологической и культурной жизни страны.

В предисловии описания триумфальных ворот, сооруженных Московской славяно-греко-латинской академией в 1704 г. в честь первых успехов русских войск в Северной войне, дается любопытное обоснование использования аллегорических и других изображений светского содержания на темы современных событий, античной истории и мифологии. Здесь говорится следующее: „Но яко миу, удивишися, православный читатель, яко торжественная сия врата (яко же в прошлых летах) не от божественных писаний, но от мирских историй; не святыми иконами, но от мирских историков, или от стихотворцев вымыщенными лицами и подобиями от зверей, птиц, древес и прочих, вещь намеренную изобразуем. Ведати же тебе подобает: яко сия не суть храм или церковь во имя иского от святых созданная, но политичная, си есть гражданская похвала труждающимся о целости отечества своего и труды своими...“

В начале XVIII в. издавались специальные пособия, содержащие изображения эмблем, символов и аллегорий. Из них была особенно распространена книга под названием „Символы и эмблемата“, изданная по распоряжению Петра I дважды — в 1705 и 1719 гг. Фронтиспис книги украшен портретом Петра, выполненным с оригинала работы Кнеллера. Над портретом русская и латинская надписи: „Красота и защищение от него“.

Вокруг портрета расположены восемь изображений с соответствующими к ним надписями на русском и латинском языках. Они прославляют в общей форме Петра I, а также содержат намеки на события того времени (рис. 2).

В самой книге помещено свыше 840 гравированных на меди рисунков с краткими пояснительными надписями на 9 языках. В связи с конкретными обстоятельствами этим символам и эмблемам придавался тот или иной смысл; и вполне естественно, что они часто использовались в декорациях фейерверочных зрелищ.

В развитии фейерверочного искусства в первой четверти XVIII в. первостепенная роль принадлежала несомненно фейерверкам, устраивавшимся в связи с празднованием военных побед, знаменовавших новые успехи в решении основной задачи, поставленной Петром. Вопросам организации и декоративного оформления таких фейерверков уделялось, очень большое внимание. Значительная часть из них нашла отражение в гравюрах. Особенно тщательно изображались специальные декорации, раскрывавшие идеино-содержание торжеств и представлявшие собой характерную особенность фейерверочных представлений того времени.

Гравюры с изображениями этих фейерверков распространялись как внутри страны, так и за ее пределами, служа прославлению побед русской армии и одновременно свидетельствуя о росте русской художественной культуры. Некоторые такие гравюры помещены в известном сочинении „Книге Марсовой“, в которой даны описания событий Северной войны до 1713 г. Более полный подбор изобразительных материалов предполагалось представить в другом сочинении. Осенью 1724 г. кабинет-секретарь А. В. Макаров потребовал у видного военного специалиста и инженера В. Д. Корчмина прислать ему „для вдохновения в новосочи-няющуюся о шведской войне историю“ копии с рисунков фейерверков, устраивавшихся „с начала государствования его императорского величества“¹ (т. е. Петра I, — *B. B.*). В свою очередь Корчмин просил Макарова уточнить список потребных изображений и „уведомить подлинно которого году и какия фейерверки в прежде упомянутую историю надобны фигуры“. Он писал также, что выполнить копии со всех имеющихся у него рисунков трудно „занеимением рисовальщиков“. К тому же, указывал Корчмин, — „не мало в грыдоровании да и многих фейерверков в кабинете его императорского величества рисунки имеются быть, также и тиснением в прошедшие времена довольно их есть и изображено и от нас рисунков несколько послано“.²

* * *

После сказанного выше обратимся к рассмотрению конкретных фейерверочных зелиц первой четверти XVIII в., представляющих для нас большой интерес, поскольку они непосредственно отражали известные события и в то же время находились в теснейшей связи с различными сторонами общественно-политической и культурной жизни страны.

Прежде всего следует отметить фейерверк, связанный с началом Северной войны.

В письме к Ф. М. Апраксину от 22 августа 1700 г. Петр писал: „Мы здесь (т. е. в Москве, — *B. B.*) в 18 день объявили мир с турки зело преизрядным фейерверком, в 19 день объявили войну против шведов“.

¹ Василию Дмитриевичу Корчмину приходилось много заниматься устройством фейерверочных представлений.

² Доношение Корчмина хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), Кабинет Петра Великого, отд. I, кн. 55, л. 9.

Вероятно, упомянутый Петром фейерверк отразил своей специальной декорацией не только первое, но и второе событие. Не случайно, в известном уже нам документе Корчмин писал об этом фейерверке, что он был устроен „по объявлении шведской войны“, и его изображение в числе прочих предполагалось поместить „в новосочи-няющуюся о шведской войне историю“. Он же сообщал, что в декорации описанного фейерверка была использована „главная... фигура“ фейерверочного зелища, бывшего „на Красном Пруде в 1699 г. по прекращении турецкой войны“.¹

В архивных делах в качестве приложения к письму Корчмина сохранился и рисунок с изображением названной „главной фигуры“ в виде трех соединенных транспарантов.

В центре (рис. 3) показан двуглавый орел² с мечом и масличной веткой; надпись: „един единого помошю“.

Указанное изображение неоднократно появлялось в декоративном оформлении фейерверков Петровского времени. В обстановке войны с Турцией и Швецией оно напоминало зрителю о постоянном стремлении России к справедливому миру и о готовности ее в случае необходимости защищать свои права в борьбе с неприятелями.

Слева изображена массивная, наглухо закрытая дверь с большим замком; надпись: „единя кроме союзных“. Эта аллегория содержала главным образом намек на то, что Россия должна обезопасить себя со стороны Турции.³ Как известно, в 1699 г. Россия начала активную подготовку к борьбе со Швецией, а потому стала всемерно добиваться прочного мира на своих южных границах. Естественно, что с еще большим основанием данная аллегория могла быть представлена в интересующем нас фейерверке 19 августа 1700 г. по поводу официального провозглашения мира с Турцией, буквально накануне Северной войны. Только, возможно, ей сопутствовала тогда подпись несколько иного содержания.

Наконец, справа на рисунке показан корабль с поднятыми парусами, уходящий в море; надпись: „за отечество“. Это изображение и сопутствующая ему надпись выражали патриотизм передовых русских людей, испытывавших чувство гордости за создание отечественного флота. На примере азовской кампании 1696 г. было доказано его боевое значение. Молодой флот стал быстро возрастать. Уже летом 1699 г. на европейскую дипломатию произвело огромное впечатление появление у Керчи⁴

¹ Здесь говорится о фейерверке, сожженном осенью 1699 г. по поводу возобновления мирных переговоров между Россией и Турцией.

² Двуглавый орел олицетворял в фейерверочном зелище русское государство.

³ Вообще указанное изображение означало на языке аллегорий: крепость, прочность, безопасность и т. п. Надпись же „единя кроме союзных“ (одна без союзников, — *B. B.*) была, вероятно, связана с тем обстоятельством, что выступавшие против Турции Австрия и Венгрия, стремясь к получению наибольших выгод, вступили с ней, каждая в отдельности и втайне от России, в мирные переговоры.

⁴ В то время Керчь и Керченский пролив принадлежали Турции.

большой русской эскадры. Турки согласились вести переговоры о мире, и в начале сентября в Константинополь прибыл на фрегате „Крепость“ русский посол Емельян Украинцев. Несомненно, что данная аллегория, показанная в фейерверках 1699 и 1700 гг., говорила во втором из них уже о важной роли флота в предстоящей борьбе со Швецией.

1 января 1702 г. русские войска под начальствованием Б. П. Шереметева одержали у Эрестфера¹ первую крупную победу в Северной войне, разбив восьмитысячный отряд шведов под командованием Шлингенбаха. Спустя несколько дней, в честь этой победы в Москве было организовано всенародное празднество, которое, в частности, имело своей целью поднять настроение народа и рассеять распространенное мнение о непобедимости шведской армии. Любопытно, что в вириах, сочиненных неизвестным нам стихотворцем ко дню празднования указанной победы, имелись такие строки:

Европа удивися и рече: я есмь прелыщенна²
И по истине о львой³ храбости лживыми вестми отягщена.

Празднование началось торжественным молебствием в Успенском соборе. Затем при колокольном звоне был произведен салют из пушек, а также из ружей полков, расположенных на Красной площади. Здесь же в специально сооруженном деревянном павильоне состоялось пиршество для сановников, иностранных посланников, именитых купцов и офицеров. Вечером был сожжен фейерверк со множеством потешных огней. Об этом фейерверке сообщает некоторые подробности известный голландский художник и путешественник Корнилий де Бруин.

Фейерверк продолжался в течение трех часов и одновременно с ним было произведено еще несколько пушечных салютов. По словам де Бруина, „невозможно было бы перечесть несметное множество народа, собравшегося на это зрелище со всех сторон“.

В фейерверке была представлена специальная декорация в виде трех транспарантов, установленных на высоких деревянных стеллажах. Об этих транспарантах де Бруин писал: „Рисунок этого потешного огненного увеселения был вновь изобретенный, совсем непохожий на все те, которые я до сих пор видел. Посередине, с правой стороны, было изображено Время, вдвое более натурального росту человека; в правой руке оно держало песочные часы, а в левой пальмовую ветвь, которую также держала и Фортуна,⁴ изображенная с другой стороны, с следующей надписью на русском языке: «Напред поблагодарим бога». На левой стороне... представлено было изображение бобра, грызущего древесный пень, с надписью: «Грызя постоянно, он искоренит пень». На третьем станке, опять с другой стороны, представлен еще древесный ствол, из

¹ Селение в пятидесяти километрах от Дерпта (ныне Тарту, Эст. ССР).

² Т. е. обманута хитростью.

³ Подразумевались шведская армия и лично Карл XII.

⁴ Богиня счастья и удачи у древних римлян.

которого выходит молодая ветвь, а подле этого изображения совершенно спокойное море и над ним полусолнце, которое, будучи освещено, казалось красноватым и было со следующей надписью: «надежда возрождается»⁵.

В связи с рассказом де Бруина заслуживает внимания гравюра, выполненная в манере Шхонебека (рис. 4), на которой изображены, несомненно, упомянутые транспаранты.¹ Это находит прямое подтверждение в одной из памятных записок Петра I, где дается краткое описание гравюры и указывается, что последняя изображает фейерверк, сожженный в честь победы при Эрестфере.²

Центральный транспарант, помещенный на гравюре вверху, напоминал об одержанной победе и выражал надежду на благоприятный исход дальнейшей борьбы. Показанные на нем аллегорические фигуры как бы соответствовали смыслу известной формулы: „время и счастье работают на нас“.³

Другой транспарант, представленный слева, в нижней части гравюры, интересен тем, что здесь показана аллегория, дававшая поэтическое осмысливание отмечавшегося события. Подобно тому как молодая поросль вселяет уверенность в возрождение жизненной силы пострадавшего дерева, так первая победа укрепляла надежду на возрастание могущества России. Это аллегорическое изображение на переднем плане композиционно теснейшим образом связано с его фоном — спокойным морем и восходящим на горизонте солнцем, что являлось как бы олицетворением ожидаемых успехов и благополучия.⁴

Изображение третьего транспаранта напоминало о способностях бобра как в воде, так и на суше с редким упорством преодолевать трудности и достигать изумительных результатов. В аллегорическом смысле, применительно к празднуемому событию, оно говорило о том, что только постоянным упорством можно добиться намеченной цели. Иначе сказать, первая победа при Эрестфере должна быть продолжена следующими успехами русских, которые и приведут к окончательной победе над Швецией.⁵

В фейерверке имели место и другие специальные декорации. Де Бруин отмечал, что „посреди площади представлен был огромный Нептун“, сидящий на дельфине, и около него множество разных родов потешных огней на земле, окруженнных колышками с ракетами, которые производили прекрасное зрелище, частично рассыпаясь золотым дождем, частично взлетая вверх яркими искрами“. Несомненно, что возвышавшийся на

¹ На гравюре более точно передан текст надписей.

² ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, отд. I, кн. 64, л. 40.

³ Аналогичное изображение Фортуны можно видеть в книге „Символы и эмблемата“.

⁴ Подобное изображение представлено также в книге „Символы и эмблемата“.

⁵ Указанная аллегория аналогична изображению, помещенному в книге „Символы и эмблемата“.

⁶ Фигура Нептуна была изготовлена, вероятно, из дерева группой резчиков.

площади Нептун символизировал стремление России добиться выхода к Балтийскому морю.

Помимо различных фейерверочных огней, горевших непрерывно и в огромном количестве, Красная площадь освещалась иллюминацией. Де Бруин отмечает, что на площади была воздвигнута „значительнейшая башня“, освещенная огнями сверху донизу.

1 января 1703 г. в Москве было организовано триумфальное торжество в ознаменование взятия русскими войсками Нотебурга, тогда же переименованного Петром в Шлиссельбург. Как известно, эта победа дала возможность русской армии продвигаться вниз по Неве, не опасаясь за свой тыл. Овладение старой новгородской крепостью Орешек, названной шведами Нотебургом, имело и большое политическое значение. В объяснительном тексте к чертежу осады Нотебурга, написанном самим Петром, говорилось: „Таковым образом через помощь божию отечественная крепость возвращена, которая была в неправдивых неприятельских руках 92 (года)“. Кстати также указать, что на медали, выбитой по случаю взятия Нотебурга, помещено изображение его осады с надписью: „Был у неприятеля 90 лет“.

Во время упомянутого празднества было устроено фейерверочное зрелище, интересное для нас тем, что в нем показывались транспаранты, отражавшие историческое событие. Известна гравюра с изображениями четырех транспарантов (рис. 5).

На первом транспаранте (внизу, слева) мы видим аллегорические фигуры „Время“ и „Счастье“, держащие вид Нотебурга, обстреливаемого русскими и выше их Марса и Палладу,¹ венчающих лавровым венком ученого монаха Бертольда Шварца, которому приписывалось изобретение пороха в XIV в. По всей вероятности, на этом транспаранте имелась также надпись, аналогичная по смыслу приведенным словам Петра и надписи на медали.

Другой транспарант (на гравюре помещен над первым) изображал двуликого Януса, держащего в правой руке ключ, в левой замок. Здесь же надпись: „Богу за сие благодарение, о сем прошение“.² В данном случае „божественный привратник“ древних римлян символизировал, с одной стороны, благодарение „православному богу“ за взятие Шлиссельбурга (ключа-крепости), стоявшего на проходе к морю у истоков Невы. С другой стороны, изображение олицетворяло надежду на быстрое овладение в устье Невы другой шведской крепостью Ниеншанцем. Не случайно Ниеншанц, сразу же после его взятия, называется в русских источниках Шлотбургом (замком-крепостью), который действительно запер для шведского морского флота вход в Неву.

¹ Богиня мудрости и военного искусства у древних греков.

² У древних римлян Янус — бог дверей, проходов и покровитель всякого начала. Атрибутами Януса обычно были ключ и простое оружие привратника — палка. В Риме существовал обряд — в мирное время запирать двери святилища Януса, а в военное время оставлять их открытыми.

На третьем транспаранте представлен уходящий в море корабль с надписью: „Желания его исполняются“. Это изображение говорило о том, что с овладением Нотебургом русское государство уже приблизилось к осуществлению своих стремлений — пробиться к Балтийскому морю.

Показанный на последнем транспаранте леонард с лавровой веткой, а также надпись „победа любит прилежание“ аллегорически подчеркивали необходимость постоянных усилий и стараний в достижении победы над врагом.

В день празднования взятия Нотебурга некоторые улицы и площади Москвы были иллюминированы. Так, высокая водовзводная башня была украшена „по ярусам круглым и в окнах, до самого верха“ флагами разных цветов, между которыми находились большие и малые слюдянные фонари.¹ Вероятно, в праздничном убранстве города были применены также фонари, в которых вместо слюды использовалась ткань, расписанная соответствующими изображениями, и которые представляли собой особый вид транспарантов. В следующие годы такие фонари-транспаранты стали употребляться в большом количестве, так как освещенные в них картины служили доходчивым средством для выражения определенных идей. Наше предположение основано на том, что в связи с приготовлениями к празднованию взятия русскими войсками Нотебурга Петр указал: „а впредь сделать для таких же триумфов 500 фонарей, станки деревянные и оклеить холстиною, и учинить на тех фонарях виды различных фарб“ (красок, — В. В.).

Лето 1703 г. ознаменовалось для России крупными военными успехами. Почти вся Ижорская земля,² отторгнутая шведами от русского государства в конце XVI — начале XVII в., была снова возвращена России. Русские войска, кроме Нотебурга, овладели городами Ямом, Копорьем и Ниеншанцем. По соседству с Ниеншанцем был заложен Петербург, ставший вскоре столицей империи. Тогда же было положено начало сооружению морской крепости Кронштадта. Россия прочно закрепилась на выходе к Балтийскому морю.

Одержаные в 1703 г. русскими войсками победы праздновались осенью того же года в Москве. Здесь были воздвигнуты трое триумфальных ворот, украшенных живописными панно и статуями, отображавшими упомянутые события. Состоялось торжественное шествие победителей, и были организованы народные гуляния. Торжества заключились „фейерверком и множеством огненных увеселений“.

Празднование в Москве встречи нового 1704 года, проходившее под свежим впечатлением недавних военных успехов, также сопровождалось фейерверочным представлением. Это зрелище в общем виде и в деталях

¹ Стеклянные фонари еще не получили широкого распространения в 1702 г.

² Ижорской землей называлось побережье Невы и Финского залива, с городами Нарвой, Ивангородом, Ямом (Кингисеппом), Копорьем, Ниеншанцем (стоявшим при впадении р. Охты в р. Неву) и Нотебургом.

было воспроизведено на восьми гравированных картинках с краткими пояснительными надписями, выполненных А. Шхонебеком.

Театр фейерверка¹ занимал пространство шириной и глубиной в 100 аршин и находился на возвышении со спуском в шесть ступеней (рис. 6 и 7).

Фейерверочное представление началось с того, что был зажжен находившийся в центре задней стороны театра „государственный орел“, символизировавший Россию. Его высота равнялась 30 аршинам. На распластых крыльях орла были расположены панно с изображением Белого и Азовского морей, одной лапой он держал панно с изображением Каспийского моря.

Орел горел разноцветными огнями в течение получаса. За это время к нему приблизилась сбоку везомая двумя конями ладья-колесница с находившимся в ней Нептуном.² Последний держал панно с изображением Балтийского моря, которое было им передано в свободную лапу орла. После этого ладья с Нептуном, также горевшая цветными огнями, удалилась. Идея данной части представления заключалась в том, чтобы показать огромное значение достигнутого — завоевания выхода к Балтике, расширения морских границ России.

Вслед за тем загорелись „разными и удивительными“ огнями два больших щита, выдвинутые сзади и поставленные по сторонам „государственного орла“. На одном из них были изображены грабли, собирающие колосья, а над ними помещена надпись: „расточенная собирает“. Эта простая аллегорическая картина напоминала зрителям о том, что овладение русскими войсками Ижорской земли с городами Нотебургом, Канцами и другими является только возвратом искони принадлежавших России территорий. Пояснительная надпись перекликалась с другой, имевшейся под изображением карты Ижорской земли на одной из трех триумфальных арок, воздвигнутых в Москве еще осенью 1703 г. и стоявших во время описанного фейерверка. Эта надпись подчеркивала, что „не чуждая“ земля завоевана, а „наследие отец наших“. На другом щите была изображена птичья клетка („тицеловка“) с открытыми дверцами и над ней надпись: „Праздна будет егда прельщение непоможет“. В данном случае аллегория говорила о необходимости применять в военном деле обман неприятеля, хитрость (прельщение), подобно тому как птицелов должен прибегать к различным уловкам, если не хочет чтобы клетка оставалась пустой (праздной).³

Наконец, оба щита были отодвинуты, и перед глазами зрителей предстали „три большие главные фонари“ (рис. 7 и 8). Центральный

¹ Так называлась площадка, где происходило фейерверочное зрелище.

² Мы не располагаем точными сведениями об устройстве этой декорации. По-видимому, кони были настоящими, а Нептун был представлен кем-то из солдат или актеров, облаченным в соответствующий наряд.

³ Аллегорические изображения, представленные двумя указанными фитильными щитами, аналогичны гравированным картинкам, помещенным в книге „Символы и эмблематы“.

транспарант являлся живописным воспроизведением висевшего над ним „государственного орла“ с четырьмя морями.¹ Другой (слева на гравюре) представлял собою уже известное нам панно, посвященное взятию Нотебурга с изображением его бомбардирования и увенчания лаврами Бертольда Шварца. На третьем транспаранте дано топографическое изображение р. Невы и Ниенинга, окруженнное богами античного мира — Юпитером², Марсом и Палладой, олицетворявшими силу и мощь русского оружия. Вместе с тем интересно отметить, что этот, как и другой боковой „фонарь“ увенчаны атрибутами мирного труда — земледелия, рудного дела, торговли и пр. — того, к чему стремилась Россия на вновьобретенных землях.

Помимо главных транспарантов, по сторонам театра фейерверка находились двенадцать фонарей с изображениями символов, эмблем и аллегорий, написанными на полотне „достойными красками“. По словам современника, они „необыкновенно и изрядно поису с задними свечами явилися“. На одной из гравюр, посвященных фейерверку, воспроизведены все эти изображения (рис. 9).

В связи с идеей данного фейерверочного представления нам нетрудно разгадать их смысловое значение, несомненно понятное также и современникам — жителям столицы. Здесь, например, показаны кующие железо кузнецы с сопутствующей надписью: „потребен труд во время“. Ясно, что эта картинка тождественна по смыслу широко известному в народе изречению — „куй железо пока горячо“. Столь же понятны и другие изображения; например, улей с пчелами (подпись: „размножитесь желают“) символизировал пожелания новых удач; корабль, стоящий на рейде в порту (подпись: „желание его исполнилось“) олицетворял выход России к морю и т. д.

В общем же все картинки, представленные на гравюре, отражали недавние события и надежды на лучшее будущее, призывают закрепить и приумножить достигнутые результаты.

На переднем плане фейерверочного театра возвышались фонари-транспаранты, увенчанные деревянными резными статуями Юпитера, Марса, Паллады и Виктории (рис. 7). Каждая из них была расписана „пристойною краскою, златом и серебром“ и высотою равнялась девяти „пядям“ (1 м 58 см).

Эти статуи награвированы на отдельных листах и окружены аллегорическими изображениями, бывшими на фонарях (рис. 10—13). Внизу гравюр помещены своеобразные пояснения к статуям. В частности, о „Виктории или Победении“ говорится, что она „...ласковым и веселым лицом обещает щастливое лето, которое Юпитер, Марс и Паллада сотворили...“ Так выражалась уверенность в достижении русской армией новых побед в наступившем 1704 г.

¹ Лишь в деталях имеется некоторое различие.

² Верховное божество у древних римлян.

Не менее любопытны и картины транспарантов, показанные на этих гравюрах. Среди них следует отметить хотя бы некоторые. Так, например, изображение орла, нападающего на льва, с надписью „Прикладываю и сильному трясение“, прославляло первые победы России над Швецией, располагавшей тогда первоклассной армией (рис. 10). Бесхитростная аллегория в виде белки, грызущей орех, с надписью „Без труда не получишь“ напоминала об усилиях русской армии, предпринятых для овладения Нотебургом — Орешком, и одновременно призывала к преодолению других трудностей, встречавшихся в ходе Северной войны (рис. 11). В связи с этим заслуживают упоминания слова Петра, высказанные им по поводу взятия Нотебурга — Орешка и широко известные современникам: „Правда, что зело жесток сей орех был, однако же, слава богу, счастливо разгрызен“. Картина с аллегорическим изображением корабля, приближавшегося к берегу, и надписью „Не ищу кроме правости“ говорила о справедливости цели, намеченной Россией в войне со Швецией (рис. 12). В числе аллегорий, представленных на четвертой гравюре (рис. 13), показаны уходящие корабли и летящий в том же направлении орел; под картиной надпись: „Преселится хочет“. Это изображение выражало мысль, что Россия получила возможность создавать флот в районе отвоеванных у шведов земель — на выходе к Балтийскому морю. Все другие картины транспарантов также отражали победы русской армии в начале Северной войны, оценку их результатов, задачи, стоявшие перед Россией.

Разнообразный комплекс специальных декораций (транспарантов, фитильных щитов, статуй и т. п.) определил богатые изобразительные возможности описанного нами сложного фейерверочного представления, устроенного 1 января 1704 г. В этом же зрелище были и чисто фейерверочные эффекты, составленные из множества „поточных огней“. На гравюре с общим видом фейерверка показаны в действии образцы различных „верховых“ фигур (рис. 7). В описании гравюры особо упоминаются „ящики с ракетами“, изделия „иных всяких хитрых дел“ и гранаты, которые „окружали всю огненную потеху яко стеною“. Можно с уверенностью сказать, что это большое и сложное фейерверочное представление было не только интересным по содержанию, но и очень красивым.

Подробного описания заслуживает также фейерверк, устроенный 1 января 1705 г. и отразивший своими декорациями победы русской армии в истекшем году. Об этом позволяет судить современная событиям гравюра, выполненная А. Зубовым. На ней представлены три транспаранта с общей к ним надписью: „Фейерверк повзятье городов Дерпта и Нарвы и виктории на реке Амовже над неприятельскою эскадрою. Учиненной в Москве в 1705 г. Генваря в 1 день“ (рис. 14 и 15).¹

¹ Изображение декорации фейерверка гравировано на двух досках; на первой — один транспарант, на другой — два.

На первом транспаранте было изображено поле с полосой взращенной пшеницы; возле нее серп, вверху надпись: „Боже како благословил возвращение, тако соверши и пожатие“. Эта аллегория говорила о возвращении монды русской армии, добившейся уже значительных успехов и выражала уверенность в ее окончательной победе. Иносказательный смысл этой картины воспринимался, вероятно, зрителями фейерверка сравнительно легко. Ее простой сюжет был подсказан практикой крестьянского труда, в связи с которой в сознании народа постоянно возникали образные сравнения относительно событий общественной жизни.

На другом транспаранте на первом плане было дано изображение на сюжет широко известной в начале XVIII в. библейской легенды о „медном змие“. На гравюре, запечатлевшей транспарант, виден столб с „медным змием“, торжествующий Моисей и группа избавленных от смерти людей. Очевидно, художник имел в виду показать лишь момент спасения, а не гибели потерпевших бедствие. Смысл аллегории помогает разгадать изображенные на заднем плане городские постройки начала XVIII в., окруженные крепостной стеной, и вблизи них раскинутые воинские палатки. Перед нами изображение одного из городов, занятых русскими войсками в 1704 г. Вспомнив при этом начало Северной войны, можно с уверенностью сказать, что указанный транспарант отражал взятие русскими войсками г. Нарвы. Как известно, несколькими годами раньше, в 1700 г., русская армия потерпела серьезное поражение под стенами этого города. Однако она сумела извлечь из этого полезный для себя урок и вскоре оказалась способной сама наносить тяжелые удары сильному неприятелю. Русские солдаты стали одерживать одну победу за другой, в числе которых взятие Нарвы было особенно знаменательным событием начального периода войны. Оценивая военные успехи России, последовавшие за поражением под Нарвой, Маркс писал: „Нарва была первой большой неудачей подымавшейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы“.² Уместно также вспомнить слова Петра, сказанные им по поводу взятия Нарвы: „Где перед четырьмя леты господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил...“ Эти слова перекликаются с надписью транспаранта: „им же уязви, тем и исцели“, которая в свою очередь поясняет идею изображения.

Сказанное не только раскрывает смысл аллегории, но и убеждает в том, что она была доступна пониманию современников.

¹ Напомним, что в этой легенде содержится рассказ о бедствии, постигшем евреев во время перехода через пустыню на пути из египетского плена. Испытывая страдания, вызванные трудностями пути, евреи возроптали на бога, за что последний в виде кары послал на них ядовитых змей. Ужаленные змеями люди гибли в страшных мучениях. Спасались лишь те, кто с верой в бога взирал на воздвигнутый по его воле столб с „médным змием“..

² К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. X, стр. 227.

Третий транспарант был посвящен взятию Дерпта и победе над неприятельской эскадрой в устье р. Амовжи и на Чудском озере.

Особо обратим внимание на торжества, посвященные Полтавской победе. Но прежде чем перейти к их описанию, для того, чтобы понять их содержание, следует напомнить военную и политическую обстановку того времени.

После того, как русская армия отвоевала у шведов исконные земли России на выходе к Балтийскому морю, правительство Петра I выражало желание прекратить тяжелую войну. Однако Карл XII категорически отказывался обсуждать условия мирного договора. Шведская армия вторглась в пределы Белоруссии и Украины и предполагала двинуться на Москву. При этом Карл XII особенно надеялся на поддержку перешедшего на сторону шведов украинского гетмана Мазепы, который стремился отделить Украину от России и стать самостоятельным правителем.

Оба они жестоко ошиблись в своих расчетах. Все казацкие полки, за исключением одного, остались верны России. Народные массы Украины поднимались на борьбу со шведами. Эта борьба еще более усилилась, когда захватчики, пытаясь запугать народ, стали безжалостно сжигать деревни и села и уничтожать их население „от мала до велика“. Характеризуя народную войну украинцев со шведами, современник писал: „Малороссияне везде на квартирах и по дороге тайно и явно шведов били, а иных и государю привозили, разными способами бьючи и ловлячи блудящих... и от того много войска шведского уменьшилося“. Народная война на Украине серьезно подорвала боевые и моральные качества шведской армии.

В условиях этой народной войны Карлу XII для предположенного наступления на Москву были необходимы подкрепления людьми, а также продовольствием и особенно боеприпасами, растратченными во время похода на Украину. Исполняя приказание короля, сильный отряд генерала Левенгаупта (15 тысяч человек), конвоируя огромный обоз из семи тысяч подвод, двинулся из Риги на Украину. Смелым и быстрым маневром Петр с отрядом в 12 тысяч всадников устремился наперерез движению Левенгаупта и 26 сентября 1708 г. у дер. Лесной разбил его, завладел всем обозом и тем лишил Карла столь необходимых боевых ресурсов. Не случайно сам Петр называл бой при Лесной „матерью Полтавской победы“.

Теперь неизбежной стала „генеральная баталия“ между двумя противниками. 27 июня 1709 г. произошла знаменитая Полтавская битва. Перед началом сражения Петр обратился к войскам со словами: „Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученнное, за род свой, за Отечество... А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего“.

Русские солдаты смело встретили первые атаки шведов и началась упорная и ожесточенная схватка.

И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеною живою отраженным,
Над падним строем смокий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звука,
Сшибаясь, рубятся с плеча.

Л. С. Пушкин.

Во многих предшествующих столкновениях на приневских и прибалтийских берегах русская армия окрепла и закалилась, овладела богатым боевым опытом и военным искусством, что и было блестяще использовано в решающем бою под Полтавой. Шведская армия, считавшаяся лучшей в Европе, была разгромлена. Спустя два дня при городке Перевалочны были вынуждены сдаться в плен и те двенадцать тысяч шведов, которые пытались спастись поспешным отступлением. Еще с поля битвы позорно ускакали Карл XII и Мазепа, переправившиеся затем на турецкую территорию.

Как известно, Полтавская победа предрешила исход Северной войны и заняла почетное место в истории борьбы русского народа против иноzemных захватчиков. Ф. Энгельс отметил, что „Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России“¹.

Русские люди — современники Полтавской битвы — восторженно встречали весть об одержанной победе. Многими осознавалось ее большое историческое значение. Видный деятель того времени архиепископ Феофан Прокопович писал, что Полтавская победа достойца „всемирного прославления“, а Петр, поздравлявший офицеров и солдат с блестящим результатом „генеральной баталии“, говорил: „Храбрые дела ваши никогда не забудут потомство“. Передовые русские люди понимали, что в итоге одержанной победы Россия навсегда закрепилась на выходе к Балтийскому морю. Не случайно, именно в связи с ней, Петр писал: „Ныне совершенно камень в основание Санктпитербурха положен“.

Полтавская победа праздновалась по всей стране. Особенно большие официальные торжества были организованы в столице с 21 декабря по 1 января 1710 г. К этому времени Москва оделась в праздничное убранство. Двери и ворота домов были декорированы елочными ветками или сияющими из них гирляндами и венками. У многих домов были поставлены целые елки. С большим старанием были сооружены в городе семь „нарядных“ триумфальных ворот (высотою около 7 и шириной около 6 сажен), а также несколько „великих“ пирамид на высоких пьедесталах. Постройка их осуществлялась под руководством известного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XVI, ч. II, стр. 9.

архитектора начала XVIII в. Ивана Зарудного. Над оформлением триумфальных сооружений работали многие мастера Оружейной палаты, в том числе живописцы Александр Захаров, Дмитрий Тароканов, Лев Федоров и другие. Укращением всех ворот и пирамид являлись многокрасочные транспаранты, резная скульптура, множество эмблем и т. п.

В качестве характерных примеров отметим картины, помещенные на транспарантах двух пирамид и на одних из „врат“, воздвигнутых на Красной площади. Среди них было изображение спящего Карла XII, видящего во сне стоявшего перед ним Александра Македонского. Над головой Карла — часовий маятник, который „мстительная Юнона¹“ приходила в непрестанное движение мехом крамолы². Рядом „Властолюбие вдыхало в него жадность к завладению чужого“. Здесь же Морфей³ показывал Карлу XII „в притворном сне его“ аллегорическую фигуру, представляющую собой Россию, а также „изменника Мазепу, готового с ним соединиться, в виде вооруженного воина, имевшего на голове своей ехидну, на груди личину лицемерия... и проч.“ К картине была дана общая надпись: „Всяк владения чужого желатель, злого конца бывает взыскатель“.

Две картины больших размеров изображали разгром шведской армии под Полтавой и пленение остатков ее под Переяловкой. Наряду с этим, разгром шведов в „генеральной баталии“ нашел отражение и в живописных панно аллегорического содержания. Так, на одном из них был изображен сюжет древней легенды о Дедале и Икаре, а также помещена надпись „Предерзость многому злу бывает виною“ (причиною,— В. В.).⁴ На оборотной стороне этого транспаранта имелся текст, пояснявший, что, подобно вознесшемуся сверх меры Икару, шведская армия во главе с Карлом XII, безрассудно устремившаяся в глубь России, обрекла себя на гибель.

Сюжеты ряда картин всесторонне раскрывали значение Полтавской победы. Несколько картин с изображениями Балтийского моря и флота, Кронштадта и Петербурга говорили, что славная „виктория“ закрепляла господство России на выходе к морским путям.

Некоторые изображения представляли собой едкие и остроумные карикатуры. Так, на одной картине были показаны осёл „во львиной коже гордящийся“⁵ и многие звери, избегавшие встречи с ним и со страхом озирающиеся на него. Под изображением имелась надпись „Хотяше стра-

¹ Древнеримская богиня (супруга Юпитера), отличавшаяся мстительностью и тщеславием.

² Бог сновидений.

³ Легенда повествует о том, что Дедал, прославленный скульптор и архитектор, будучи на острове Крите, прогневил царя Миноса. Преследуемый царем, Дедал соорудил для себя и своего сына Икара крылья из перьев, скрепленных воском, с помощью которых они поднялись в воздух и полетели в другую страну. Но Икар в пути, не послушавшись разумных советов отца, чрезмерно приблизился к солнцу, отчего воск растопился, крылья распались, а сам он низвергнулся в морскую пучину.

⁴ Подразумевалась шведская армия и лично Карл XII.

шен быти“. Рядом, на другой картине, были показаны тот же „презренный“ осёл, но „обнаженный“, с содранной с него „львиной кожей“, и те же звери, забавляющиеся и насмехающиеся над ним. Здесь была также надпись: „Достоин быть смеха“. Обе упомянутые картины показали в сатирическом жанре, как после Полтавской битвы был развенчен ореол непобедимости шведской армии. Эти изображения говорили и о том, что самонадеянный и заносчивый Карл XII после поражения своей армии оказался в позорном и бесномощном положении.

Отметим еще одну любопытную картину. На ней была изображена аллегорическая фигура „Правды“, загоняющая „Геркулесовой палицей хищение шведское в темнице“.

На „Геркулесовой палице“ выделялась сатирическая надпись: „на квартиры в Москву“. Смысл этой картины понять нетрудно: шведам не удалось стать хозяевами Москвы, зато многим тысячам из них пришлось побывать там в положении „невольников“ (пленных,— В. В.).

Помимо триумфальных сооружений, на домах знатных лиц и купцов также висели картины, отражавшие победу русской армии. На них можно было видеть российского орла, свергающего молнией шведского льва с горы, льва в темнице, Геркулеса, убивающего льва, и т. д.

В период торжеств Москва озарялась по вечерам роскошной иллюминацией. Для нашего очерка важно, что большая часть картин, украшавших триумфальные „врата“, пирамиды и дома, одновременно представляла собой и многокрасочные транспаранты. В дополнение к ним горели тысячи фонариков и шкаликов.

В первый же день торжества, 21 декабря, состоялась церемония въезда в Москву победителей под Полтавой. Приветствуемые народом, при колокольном звоне и пушечных салютах они проезжали по улицам и площадям Москвы, останавливались у каждого триумфального ворот. Здесь им подносили хлеб и соль, в их честь говорились приветственные речи, играла музыка, а юноши в белых одеждах исполняли хвалебные песни. В этой процессии вели в центре строю пленных шведов¹ и везли трофеи — знамена, посошки Карла XII и проч. Наглядное представление о порядке и общем характере всей процессии дает гравюра, исполненная А. Зубовым (рис. 16). Начавшиеся с утра народные гуляния продолжались в конце дня при огнях зажженной иллюминации, а в Кремлевском дворце Петр угощал обедом генералов и офицеров, сановников и „именных“ лиц.

На второй и третий день тоже устраивались массовые народные увеселения, официальные приемы и пиршства. Тогда же, в вечернее время, сжигались великолепные фейерверки. До нас дошло лишь известие, что в этих фейерверках, длившихся около трех часов, было выпущено „множество разновидных увеселительных огней“ и показаны

¹ В этом Петр последовал примеру самих шведов, которые первыми начали водить по улицам Стокгольма захваченных в плен русских.

декорации, изображавшие сражения под Лесной и Полтавой, пленение шведов под Переяловкой, и что фейерверки эти сжигались при громе пушечных залпов.

В последующие дни также организовывались фейерверочные зрелища, отражавшие знаменательное событие. Некоторые из них устраивались частными лицами, например, капралом Головкиным.

Все торжества, посвященные Полтавской победе, завершились в день празднования нового 1710 года. Вечером 1 января было организовано интересное фейерверочное зрелище.

Этот фейерверк наряду с предшествующими тщательно подготавлялся. Его устройством руководил уже известный нам военный инженер, поручик гвардии Василий Дмитриевич Корчмин. Предварительно идея и план фейерверка были разработаны Петром и его ближайшими помощниками.

Датский посланник в России Юст-Юль писал, что в этот день в десять часов вечера „зажгли в высшей степени красивый и затейливый фейерверк... В нем замечались красивые голубые и зеленые огни, изобретенные самим царем, а равно многочисленные огненные шары и огненные дожди, превращавшие ночь в ясный день, так что и на далеком расстоянии можно было отчетливо видеть и узнавать всех проходящих“.

Английский посланник Витворт в своем донесении также отмечал, что он видел в тот день „прекрасный фейерверк“, который был „сожжен с полным успехом“.

В этом фейерверочном зрелище были показаны специальные декорации. Наиболее интересные из них запечатлены на современной гравюре, исполненной неизвестным художником (рис. 17). В верхней части гравюры помещены картины двух фитильных фейерверочных щитов.

На одной изображен Зевс, поражающий Фаэтона. Над картиной надпись: „От возношения низвержение“.¹

Смысл аллегории заключен в том, что Карл XII, увлеченный авантюрным походом против России, привел шведскую армию к ее поражению под Полтавой.

Рисунок этого щита был подсказан Петром, что подтверждается строками его письма о Полтавской победе: „...и единым словом сказать, вся неприятельская армия Фаэтонов копец восприяла“.

На другой картине виден обессиленный лев, подвешенный цепью над табуретом с богатой подушкой. Над изображением надпись: „да знает правительствовати“.² Несомненно, что эта картина, представленная в фейер-

¹ Поэтическое сказание древних греков повествует о том, что Фаэтон, сын Гелиоса (солнечного божества), добился на один день управления солнечной колесницей своего отца. Но эта задача оказалась для юноши непосильной; он не сумел управиться с бесмертными конями и, не зная дороги, сбился с пути, отчего вся вселенная сгорела не была охвачена пожаром. Желая предотвратить несчастье, Зевс — главный бог древних греков — ударом молнии низвергнул Фаэтона в пучину моря.

² Подобное изображение имеется в книге „Символы и эмблемата“.

верке, высмеивала Карла XII, лишенного после Полтавского поражения своей армии и былой славы.

В одном из отделений фейерверочного представления была показана сложная декорация, состоявшая из нескольких макетов, приводившихся в движение с помощью различных приспособлений. Эта декорация изображена в нижней части гравюры. В пояснительном тексте к ней, а также в записках современников, содержатся некоторые указания относительно того, что происходило во время показа ее зрителям.

На театре фейерверка появились сперва два „столпа“, увенчанные коронами; один из них олицетворял Польшу, другой Россию. Эти колонны были украшены множеством разнообразных огоньков — синих, зеленых и налевых. Затем из-за „горы каменной, являющей швецкое государство“, показался лев, „являющий армию швецкую“. Лев приблизился к первому „столпу“ и опрокинул его. Вслед за тем лев бросился ко второму „столпу“, который лишь покачнулся, как будто готовясь упасть. Тогда же появился в вышине горевший яркими огнями орел, „являющий армию российскую“. Им были выпущены „неруны или огненные стрелы“, от которых лев всыхнул пламенем и разлетелся на куски „с великим громом“. После этого и первый „столп“ поднялся и занял прежнее положение.

Эта декорация фейерверка отражала следующие события, хорошо известные современникам. В 1706 г. польский король, нерешительный и малодушный Август, испуганный вторжением шведской армии на территорию Польши, заключил в Альтранштадте мир с Карлом XII. Этот мир не облегчил положение Польши, а сам король Август вскоре лишился польского престола, который занял Станислав Лещинский — ставленник Карла XII. Россия же осталась без союзников и должна была одна противостоять сильному неприятелю. В августе 1707 г. шведская армия двинулась на Россию. Однако поход Карла закончился разгромом шведской армии под Полтавой. Эта победа русских войск привела к тому, что Август снова вступил на польский престол и осенью 1709 г. заключил новый договор с Петром о совместной борьбе России и Польши против Швеции.

Показанная в московском фейерверке аллегория была остроумно заимствована с рисунка хвастливой медали, выбитой в Штеттине Иоганном Меммиусом по заказу Карла XII, в ознаменование Альтранштадтского мира. На ней изображен лев и два „столпа“. Ударом лап лев один „столп“ уже переломил, а другой сильно наклонил. На медали надпись: „Потряс оба“ (в переводе с латинского, — *B. B.*) (рис. 18). Юст-Юль писал, что Петр показывал ему эту медаль. По словам Юст-Юля, аллегорическое изображение на медали означало, что „король шведский отнял у короля польского корону, а царя поставил в безвыходное положение“. Устроители фейерверка расширили содержание этой аллегории. Мы видим, что они представили в фейерверочном зрелище орла, поражающего льва, а вслед затем показали оба „столпа“, стоящими незыблемо, „являя избавление наше (т. е. России, — *B. B.*) и возвращение короны королю Августу через оружие российское“.

Празднества в честь Полтавской победы, по особому распоряжению Петра, были организованы также русскими послами в некоторых западноевропейских странах. При этом обязательно устраивались фейерверочные представления, прославлявшие успех русского оружия. Так, например, в письме канцлера Г. И. Головкина на имя русского посла в Дании кн. В. Л. Долгорукова приказывалось: „О сей счастливейней... виктории объявить королевскому величеству Дацкому и его министериуму и прочим, кому надлежит, и отдать напечатать в газеты и учинить знаки торжества по обыкновению прочих потентатов министров, то есть фейерверк и бенкет знатной“. Дошедшие до нас изображения и описания фейерверков, устроенных русскими послами, свидетельствуют, что последние имели богатое декоративное оформление.

Спустя несколько дней после Полтавской победы Петр вновь выступил с предложением закончить войну, причем на условиях весьма благоприятных для шведов. Но Карл XII опять категорически отказался вести какие-либо переговоры о мире и деятельно готовился к продолжению военных действий. Неоправданное упорство Швеции затягивало войну, но уже не могло изменить соотношение сил, сложившееся после победы под Полтавой.

В 1710 г. Турция, подстрекаемая Карлом XII и правительствами Англии, Голландии и Франции, объявила войну России. Летом 1711 г. сократившаяся русская армия, выступившая к границам Турции, оказалась в тяжелом положении, так как была окружена у реки Прут двухсоттысячной турецкой армией. Однако благодаря стойкости русских войск, отбивавших многочисленные атаки неприятеля, а также в результате успешных действий русских дипломатов Россия добилась восстановления мирных отношений с Турцией.

По условиям заключенного на Пруте мира Россия должна была отказаться от Азова и разрушить некоторые свои крепости на южной стене окраине, но зато получила возможность продолжать в более благоприятной обстановке борьбу со Швецией.

1 января 1712 г. в Петербурге был сожжен фейерверк. Его специальные декорации, запечатленные на гравюре А. Зубова (рис. 19), отразили упомянутые события 1710—1711 гг.

Театр фейерверочного представления находился на ледяном поле Невы, напротив дворца Меншикова.¹ Там было построено декоративное сооружение в виде триумфальных ворот. Эти „врата“ были оснащены многими и разнообразными изделиями увеселительной пиротехники, создававшими при своем сгорании разнообразные огненно-световые эффекты. Вокруг „врат“ также размещались комплексы фейерверочных изделий. В проемах арок и в других местах по фасаду триумфальных ворот показывались последовательно транспаранты, эмблемы, раскрывавшие содержание фейерверочного представления.

¹ Фейерверк был устроен по распоряжению Меншикова — губернатора Петербурга.

В описании фейерверка¹ говорится, что сначала на верху ворот был показан „воин на коне“, увенчанный лавровым венком; он держал в правой руке меч, а в левой масличную ветвь. Эта аллегория выражала уже хорошо известную нам постоянную готовность Петра к миру и вместе с тем означала, что русское государство, добившееся мира с Турцией продолжает еще борьбу со Швецией.

Затем ниже представлена аллегория, изображавшая союз „Азии“ и „Европы“, под именем трех корон — эмблемы России, Польши и Турции сквозь которые, извиваясь, иронизала змея. Эта декорация напоминала зрителям о том, что Швеция, а также Англия, Франция и Голландия желавшие ослабить русское государство, стремились внести раздор между Россией и Турцией, между Россией и Польшей.² Несомненно, что этот намек предполагался иностранным дипломатам, присутствовавшим на фейерверочном представлении. Наряду с описанной аллегорией на воротах были помечены атрибуты наук, ремесел и торговли. Здесь же горел девиз: „Мир и злобу ненависти“. Этим подчеркивалось, что Россия, вопреки ее ненависти к нам и недоброжелателям, обеспечила мир с Турцией. Кроме того, любопытно отметить, что слева и справа на воротах были одновременно показаны в свете фейерверочных огней аллегорические фигуры античной „Цереры и христианской „Веры“.⁴ По фризу триумфальных ворот горел девиз: „богу благодарение за счастливое прибытие.“

„Потом в малой дуге (арке, — В. В.) по правой стороне, — отмечается в описании фейерверка, — явится звезда северна горяща и полумесянь, который полумесянь свою светлость Северу поделяет. А между ими вошла темная туча, тогда тот полумесянь отвращается лицом своим о звезды“.⁵ Очевидно, эта аллегория выражала разрыв мирных отношений и войну между Россией и Турцией. Вслед за первой декорацией, в нижней части арки был освещен транспарант, изображавший „в тишине Эвксинское море (Черное море, — В. В.), на котором видны корабль и храм Янтарь⁶ замкнут оказался“, с подписью: „небо с сею утишило“. Данная аллегория в отличие от предыдущей означала прекращение войны между Россией и Турцией.

„По левую сторону в дуге“ была представлена декорация, символизировавшая величие и мощь русского государства. Основным де-

¹ Подробное описание фейерверка хранится в ЦГАДА, кабинет Петра Великого, отд. кн. 55, лл. 13, 14.

² Однако Польша, сохранив тогда дружбу с Россией, в 1711 г. объявила войну Турции.

³ Богиня плодородия.

⁴ Эти аллегорические фигуры, а также ранее упомянутые — „Азия“ и „Европа“ были представлены не транспарантами, а разными деревянными статуями.

⁵ Декоративные элементы — „звезды“, „полумесянь“ и „темная туча“ были образованы действием соответствующих фейерверочных фигур с медленно горящими составами. В числе фейерверочных составов начала XVIII в. известны рецепты на изготавление „презирядных белых звезд“ и „черных облаков“.

⁶ Т. е. храм Януса.

коративным элементом здесь являлся зажженный „парящий орел“.¹ В последнем отделении фейерверочного представления была введена в действие декорация, находившаяся в проеме центральной арки. В описании зрелища сказано: „Потом окажется крепость морская, у которой в одной куртине подпись сия: „бог укрепи камень сей“. Значит сие крепость Санкт-петербурх. В другой куртине сие подписание: „На счастливое шествие сему“. Причем корабль со всеми парусами по ветру в гавань прибысть. Значит сие какую благость впередь государству через сие привлечет“.² Таким образом, в фейерверке подчеркивалось значение Петербурга и строившегося здесь флота. Отметим, что вверху первой страницы описания фейерверка имеется гравюра на меди с изображением Петропавловской крепости и части Петербургской стороны. Поэтому можно предположить, что декорация последнего отделения фейерверка была именно такой, как показана на гравюре.³ Эта декорация, конечно, была не случайна. Петр, имея в виду известные утраты, понесенные Россией в результате заключенного с турками мира на Пруте, в том же 1711 г. писал: „Сие дело есть хотя и не без печали, что лишиться тех мест, где столько трудов и убытков положено, однако чаю сии лищением другой стороне великое укрепление, которая несравнительною прибылью нам есть“⁴. Следовательно, Петр считал, что, обеспечив мир с Турцией, Россия много выигрывала на своих северо-западных границах, в укреплении и строительстве Петербурга, в дальнейшей борьбе со Швецией.

Появление в фейерверочном представлении декорации, изображавшей Петербург, сопровождалось действием многих, расположенных при ней изделий увеселительной пиротехники. В описании фейерверка далее говорится: „Потом как сие скончается, начнет крепость вновь из себя выпущать патроны и гранаты беспрестанно, при том ракеты и многие разные листы-кугели со беспрестанною пушечной пальбою“.

Несомненно, что рассмотренный нами фейерверк был значительным и интересным. В нем щедро показывались и красиво сочетались специальные и чисто пиротехнические декорации. К тому же можно добавить, что в этом фейерверке применялись цветные огни. В известном нам документе паряду с фейерверочным „белым огнем“ упоминаются также „синий“ и „желтоватый“, которыми горели многие эмблемы, украшавшие триумфальные ворота.

В дополнение к описанным фейерверкам следует коснуться отдельных „огненных потех“, связанных с событиями последних лет Северной войны.

В дошедшем до нас кратком известии о праздновании встречи нового 1720 года говорится, что тогда был устроен „великолепный фейерверк,

¹ Макет орла, спароженный изделиями потешной пиротехники.

² По-видимому, эти изображения и надписи были представлены посредством фитильного щита.

³ Такая же гравюра известна еще раньше: она имеется также в русской газете „Ведомости“ за 1711 г. от 28 июня. Содержание этого номера посвящено русско-турецкой войне.

представлявший скалу посреди моря, на которой возвышалась фигура богини правосудия (Фемиды), как ее обыкновенно изображают: с весам в одной руке и мечом в другой⁵. К этому дню была изготовлена гравюра с изображением Фемиды, стоящей на скале с завязанными глазами. Здесь же надпись: „Помощию ничто успеют“. Внизу: „Генваря в 1 день 1720 (рис. 20). Интересно, что несколько экземпляров этой гравюры было уже перед началом фейерверка раздано некоторым иностранным дипломатам и другим лицам, причем сам Петр „объяснял им эмблему...“

Эта аллегория, показавшая, по-видимому, в центре специальной декорации фейерверка, намекала на то, что Англия и Франция принудил Швецию прервать начавшиеся было мирные переговоры с Россией¹. Вместе с тем, указанная аллегория говорила, что, правда на стороне России.

27 июня 1720 г. русский флот одержал при Гренгаме² вторую крупную морскую победу.³ Русские моряки снова разбили шведский флот, захватили четыре шведских фрегата.⁴ В сентябре месяце в Петербурге в честь Гренгамской победы были организованы большие торжества. Они начались с того, что в Неву, при пушечной пальбе, ввел захваченные шведские корабли. Во время этих празднеств, продолжавшихся четыре дня, набережная Невы, ряд улиц и площадей были иллюминированы. В праздничном убранстве города особенно выделялась украшенная транспарантами „великолепная пирамида“, воздвигнутая на Троицкой площади Петербургской стороны. Эти торжества запечатлены на гравюре А. Зубова (рис. 21). Наряду с иллюминацией был устроен фейерверк, в центре которого представлен Цеппун, плывущий на двух конной колеснице, а над ним трубящая „победа“. Эта аллегорическая декорация выражала возросшее значение России как морской державы.

Заслуживает упоминания также фейерверк, сожженный 1 января 1721 г. На гравюре (рис. 22), запечатлевшей его центральную декорацию, виде одноглавый орел с мечом и масличной веткой в когтях, над ним „всевидящее око“ и надпись: „С помощью (бога, — В. В.) готов к обоим вину — аллегорическая фигура „Правды“, понирающая дискордия⁵, а на ней надпись: „всегда победит“.

Смысл первого изображения нам известен: Россия одинаково готова к миру и продолжению войны. Другая аллегория говорила об отсутствии единства и согласия среди союзников — России, Пруссии, Дании и Польши.

¹ В 1718 г. Я. В. Брюсом и А. И. Остерманом были начаты на Аландских островах мирные переговоры со шведами. Английское правительство всячески противодействовало этим переговорам и даже, как говорили, намерено было похитить русских послов. Переговоры прервались и, несмотря на попытки Петра, их не удалось возобновить в 1719 г.

² Гренгам — гавань на одном из Аландских островов.

³ Первая крупная морская победа русского флота была одержана 27 июня 1714 при Гангуте (п-ов Ханко).

⁴ Победа русского флота при Гренгаме имела тем большее значение, что находившаяся в Балтийском море английская эскадра пыталась своими угрожающими действиями запугать русских моряков.

⁵ Разлад, разобщенность, несогласованность.

и одновременно о том, что несмотря на распад упомянутого союза, правда восторжествует и Россия добьется окончательной победы.

27 июня 1721 г.— в день празднования годовщины Полтавской победы— в Петербурге был сожжен большой фейерверк, подготовленный на больших баржах, поставленных на Неве напротив Летнего сада, где происходила праздничная ассамблея, на которую были приглашены многочисленные гости, в том числе иностранные дипломаты. Фейерверк начался около двенадцати часов ночи. По описанию современника, „былопущено множество ракет, водяных шаров и маленьких бомб или бураков“. Кроме того, в этом зрелище светилась декорация, изображавшая Геркулеса,¹ стоявшего под дождем и державшего над собою борону. Над ним надпись: „Плохая кровля“. Эта декорация воспроизведена на гравюре, выполненной в свое время А. Ростовцевым (рис. 23). Изображение было подсказано рассказом, издавна возникшим на почве устного народного творчества. В нем говорится, что некий крестьянин, находившийся на пашне, укрылся бороной во время дождя; и когда его спросили, почему он так поступил, то крестьянин ответил: „Все легче станет, не каждая капля канет“.

Некоторые участники ассамблеи придерживались того мнения, что фейерверочная аллегория являлась насмешкой над безуспешной помощью английской эскадры, высланной „для прикрытия“ Швеции. Действительно, английская эскадра, курсировавшая в Балтийском море в последние годы Северной войны, не смогла парализовать активные операции русского флота. Это не раз служило предметом остроумных замечаний со стороны русских полководцев. Характерно, что по поводу морской победы при Гренгаме Петр отмечал: „Правда, не малая виктория может почесться, потому что при очах господ англичан, которые равно шведов оборонили, как их земли, так и флот“. Относительно одной неудачной вылазки шведов и англичан на остров Поргии в 1720 г. Мениников в своем письме к Петру писал: „..., а в учиненных обидах сих обоих флотов на острове Поргии² в сожжении бани и избы не извольте печалиться, но уступите добычу сию им на раздел, а именно: башню шведскому, а избу английскому флоту“. Приведенные пами высказывания могут служить подтверждением того, что указанная аллегория также высмеивала тщетность надежд, возлагавшихся шведами на английский флот и вообще на помочь англичан. При этом надо учесть, что в 1721 г., как и раньше, английское правительство принимало все меры против заключения мира между Россией и Швецией, и это было хорошо известно русским государственным деятелям.

30 августа 1721 г. в Ништадте, в Финляндии, был заключен мир между Россией и Швецией, положивший начало новому историческому этапу во взаимоотношениях обоих государств.

¹ В данном случае подразумевалось шведское государство.

² В то время там находился русский гарнизон.

Мирный договор подтвердил, что отвоеванные у шведов земли „имеют вечно Российскому государству присоединены быть и пребывать“. Там же было записано: „имеет от ныне непрестанно пребывающей вечной и не нарушимой мир“.

При получении известия о заключенном в Ништадте мирном договоре на Троицкой площади в Петербурге собралась многочисленная толпа народа. С высокого помоста обратился к народу Петр: „Здравствуйте и благодарите бога, православные, что долговременную войну всесильный бог прекратил и даровал нам со Швецией счастливый, вечный мир“ Зачерпнув ковшом вина, Петр провозгласил здравицу в честь русского народа. Тогда грянул салют и начались различные увеселения. Весь город был иллюминирован, и на улицах горели смоляные бочки.

Большое официальное празднество в честь Ништадтского мира состоялось в Петербурге 22 октября 1721 г. В тот день после торжественного богослужения происходила церемония раздачи наград участникам войны, сопровождаемая салютом из многих пушек и беглого огня 27 полков. Затем были устроены увеселения разного характера. Набережные и улицы города были ярко иллюминированы цветными фонариками с сальными плошками и свечами. Немало горело смоляных бочек и костров, сложенных из дров.

Вечером на Петербургской стороне, против здания Сената, было устроено фейерверочное представление, рассмотрение которого имеет для нас особый интерес. По сохранившимся рассказам некоторых очевидцев, центральная декорация фейерверка представляла собой огромных размеров сооружение в виде храма Януса. Этот храм был иллюминирован множеством разноцветных шкаликов. В назначенный час Петр, находившийся с приближенными на галерее Сената, поджег здесь специально изготовленную фигуру орла, полетевшую к храму Януса,¹ от орла в свою очередь зажглась центральная декорация, и тогда зрители увидели освещенные голубым огнем открытые двери храма и внутри „мироремпительного“ Януса, державшего в правой руке лавровый венок, а в левой— масличную ветвь. Немного спустя показались в голубом огне две фигуры в виде вооруженных панцирями коронованных рыцарей, олицетворявших Российскую и Шведскую державы. Они двигались навстречу друг другу с протянутыми для рукопожатия руками. В момент сближения фигуры рыцарей прикоснулись к дверям храма, которые тотчас же затворились. Это было символическим выражением заключенного мира между Россией и Швецией.

Как только вход в храм Януса был закрыт, над ним взлетело „шесть тысяч ракет и прочих фейерверочных фигур“, заиграли духовые оркестры, раздался колокольный звон и грянул салют. По словам очевидца, „огонь с валов крепости и Адмиралтейства и с стоявших по Неве галер был так велик, что все казалось объятым пламенем, и можно было подумать, что земля и небо готовы были разрушиться“.

¹ Фигура орла двигалась по веревке, протянутой от здания Сената к храму Януса.

Затем справа от храма Януса зажегся двигавшийся к нему большой фитильный щит, на котором была изображена фигура „Правосудия“, по-пирающая ногами двух фурий, представлявших недоброжелателей и не-навистников России. Над декорацией виднелась надпись: „Всегда победит“.

После этого осветился другой фейерверочный щит, находившийся слева от центральной декорации. На нем был показан направлявшийся в гавань корабль. Здесь же светилась пояснительная надпись: „Конец дела венчало“. Эта аллегория подчеркивала значение достигнутых Россией результатов в итоге Северной войны.

По сторонам храма Януса были также представлены пирамиды, которые казались сделанными из бриллиантов, что достигалось сгоранием особых фейерверочных изделий, дававших яркий белый свет. Кроме того, как рассказывает очевидец фейерверка, „пустили множество воздушных шаров, огромных и сильных ракет, бураков, открыли фонтаны, колеса и пр., которых огонь не прерывался в продолжение почти двух часов. Наконец, пущено было по воде несколько фигур из прекрасного голубого и белого огня, вместе с множеством водяных шаров, дукеров, водяных швермеров и других на воде горящих фигур“. Одновременно на воде были показаны четыре „огненные фигуры“, изображавшие „Славу“, „Правосудие“, „Осторожность“ и „Победу“.

В устройстве этого грандиозного фейерверка принимал большое участие сам Петр и военные инженеры Скорняков-Писарев и Корчмин. Над декоративным оформлением фейерверочного представления работали лучшие архитекторы и художники. Известен, например, рисунок храма Януса, выполненный талантливым рисовальщиком Н. Пино. Попутно укажем также, что сооруженный в Петербурге храм Януса был разрушен 5 (16) ноября 1721 г. в результате страшной бури и большого наводнения, причинивших значительный ущерб всему городу.

Но с еще большим размахом и великолением проводилось празднование Ништадтского мира в Москве, подготавливавшееся почти три месяца. Началом официальных торжеств, посвященных знаменательному событию, был назначен день 28 января 1722 г. Однако, по существу, они стали проводиться с 18 декабря 1721 г., когда состоялась пышная церемония прибытия в Москву Петра, военачальников и наиболее отличившихся полков. К этому дню здесь были сооружены под руководством архитекторов Ивана Юстинова и Ивана Зарудного пять триумфальных арок, богато украшенных скульптурой и живописными панно, отображавшими в аллегорической форме Ништадтский мир и другие современные события. С того же дня и вплоть до окончания рождественских праздников Москва украшалась по вечерам освещенными транспарантами с различными изображениями, а также множеством фонариков, укрепленных на столбах.

Не останавливаясь на описании всей программы празднеств, устроенных в Москве в честь Ништадтского мира, отметим лишь организованные тогда фейерверки. 28 января, в первый день начавшихся официальных торжеств и увеселений, состоялся великолепный фейерверк, продолжав-

шийся в течение нескольких часов. Он был устроен на Красном лугу, где собирались тысячи москвичей. Почетные зрители находились в специально построенных галереях. В тот вечер было сожжено несколько тысяч ракет и швермеров, много разных фигур — потешных ядер, огненных колес, „бриллиантовых“ пирамид и т. п.

Большое место в фейерверке заняла специальная декорация, которая частично запечатлена на гравюре, выполненной А. Зубовым. (рис. 2-25, 26).¹

Сперва в центре фейерверочного зрелища осветилась главная декорация с представленными в ней храмом Януса, движущимися фигурами коронованных рыцарей, подобно тому, как было сделано в Петербурге. Но, как рассказывает очевидец, московский храм Януса, по сравнению с нетербургским, был еще больших размеров и отличался большим изяществом. Кроме того, он был роскошней иллюминирован; его украшали около 20 тысяч разноцветных шка利ков.

После центральной декорации зрителям были показаны в оформлении фейерверочных огней еще две, но уже без участия каких-либо движущихся фигур. Первая из них изображала фрегат и галеру на море, также помещенный вверху символ вседесущего божества — „всевидящее око“. Содержание декорации раскрывалось надписью, смысл которой заключался в том, что Россия достигла успешного мира с помощью бога и созданного военно-морского флота.

В другой декорации был представлен летящий Меркурий² и надпись „Плоды мира“, что символизировало процветание торговли по окончанию войны. Кроме того был показан библейский Ноев ковчег, плывущий на волнам, когда вода всемирного потопа начала убывать и показались вершины гор; над ним символическое изображение вестника мира — голубь с масличной веткой. Выше светилась надпись: „Успеется по волнении“. Эта аллегория означала установление желанного мира (покоя) в связи с окончанием Северной войны, которая по перенесенным Россией тяжелым испытаниям сравнивалась с „всемирным потопом“. Интересно, что до начала фейерверка Петр вручил многим лицам специально изготовленные в честь Ништадтского мира памятные медали. На одной из сторон эти медали изображены в отдалении Петербург и Стокгольм, соединенные радугой. На переднем же плане виден на море Ноев ковчег и летящий к нему голубь с масличной веткой. На медалях надписи: наверху — „Союзом мира связуемы“, внизу — „В Нейстадте по потопе Северной войны 1721 г.“. Кроме памятных медалей с подобными изображениями, были выбиты также наградные офицерские и солдатские медали (рис. 27).

В день окончания торжеств, справлявшихся в Москве по поводу Ништадтского мира, снова был устроен фейерверк и, как рассказывае-

¹ Показанные пами на трех рисунках изображения были выгравированы на одном листе.

² Бог торговли у древних римлян.

современник, „пущено было множество ракет и явился во всем блеске храм Януса, но с той разницей, что большие двери его уже не отворялись“.

Торжественные фейерверки в ознаменование „славного мира“ были организованы также русскими послами в ряде западно-европейских государств. Один из них, наиболее замечательный по оформлению, был сожжен в Амстердаме 9 декабря 1721 г. (рис. 28).

В заключение отметим отдельные фейерверки, которые, по сравнению с описанными выше, отражали события иного характера.

Например, следует упомянуть об устройстве фейерверков и иллюминаций в ознаменование учреждения первого российского ордена апостола Андрея Первозванного, почитавшегося первым проповедником христианства на территории России.

Известно, что Петр всемерно стремился повысить активность, инициативу и усердие лиц, находившихся на государственной службе. Поэтому, по его приказу, были разработаны и введены в практику новые, разнообразные формы наград и поощрений. В том числе в 1698 г. был учрежден упомянутый орден, предназначенный для награждения государственных деятелей и военачальников. В Петровское время орденом награждались лишь те лица, которые действительно отличались большими заслугами перед государством. Сам Петр принял в награду Андреевский орден только после одержанной в 1703 г. под его непосредственным начальством первой морской победы над шведами в устье Невы.

Характерно, что в проекте орденского устава 1720 г. говорится: „Царевичам и другим принцам крови не должно давать сего ордена, пока они в колыбели (как то в некоторых землях делается) или в младенчестве. Ибо при пожаловании сего ордена надлежит смотреть на личные качества и на заслуги; царские дети, ожидая сего отлиния, будут стараться заслужить оной“.¹ Значение ордена подчеркивалось и тем, что своеобразный косой Андреевский крест стал служить тогда же эмблемой военно-морского флага, а также некоторых полковых знамен.

Петр постоянно привлекал общественное мнение к фактам награждения орденом Андрея Первозванного отличившихся лиц, побуждая, таким образом, других добиваться высокой награды. Этой цели служил, в частности, установленный ежегодно 30 ноября праздник кавалеров ордена. В этот день устраивались и фейерверки с соответствующим декоративным оформлением. В современных источниках отмечается, что в этих фейерверках, наряду с другими изображениями, показывался Андреевский орден, светившийся голубым огнем. Вместе с тем, Петербург, где обычноправлялся праздник учреждения ордена, а также и Москва украшались богатой иллюминацией.

¹ Впоследствии же все великие князья, с момента своего рождения или точнее по совершении над ними обряда крещения, „жаловались“ кавалерами этого высшего российского ордена.

В начале XVIII в. в Петербурге установился также обычай ежегодного устройства фейерверков и иллюминаций в день памяти Александра Невского, именем которого Петр собирался назвать новый специально военный орден. Но в данной работе нам представляется интересным обратить внимание лишь на то, что в 1707 г. в указанный день празднования памяти Александра Невского был впервые сожжен фейерверк непосредственно у Петропавловской крепости со стороны Невы.

Заслуживает внимания фейерверк, сожженный в 1710 г. по поводу бракосочетания племянницы Петра — в. кн. Анны Иоанновны с герцогом Курляндским.¹

Фейерверк был устроен на больших плотах, расположенных на Неве напротив дома Меншикова. Его декорация состояла из трех картин или перемен. Сперва появились загоревшиеся фейерверочными огнями две колонны с „княжескими венцами“. Потом были представлены две пальмы со сплетшимися вершинами, над которыми сияли слова: „любовь соединяет“. В третьей перемене „показался,— по рассказу очевидца,— Купидон² в рост человеческий, с крыльями и колчаном на раменах, он стоял перед наковальнею, замахнувшись большим кузнецким молотом, и сковывал вместе два сердца, лежавшие на наковальне“. Над этим изображением светилась надпись: „Из двух едино соединяю“. В заключение фейерверочного представления было пущено множество ракет, шутих, водяных швермеров и других фигур. В устройстве указанного фейерверка принимал непосредственное участие Петр, который во время его действия объяснял группе зрителей значение каждой аллегорической картины. Пиротехники и рабочие, обслуживавшие фейерверк, были тогда в маскарадных нарядах.

Интересно также декоративное оформление другого фейерверочного зрелища, устроенного в 1712 г. в Москве, по случаю бракосочетания Петра I с Екатериной I. Главное место на нем занимал ярко освещенный транспарант с изображением двух переплетающихся колонн с вензелями возле которых показаны: слева — Петр в образе Гименея³ с зажженным факелом в руке, у ног его орел; справа — нимфа с горящим сердцем в руке, у ног ее целующиеся голубки. Вверху изображения: „всевидящее око“ и под ним корона и лента с надписью „в твоей любви соединенный“ (т. е. брачный союз, — В. В.). Существует гравюра, запечатлевшая этот транспарант (рис. 29).

В 1715 г. в Петербурге был сожжен фейерверк по поводу рождения царевича Петра — сына Петра I от брака с Екатериной. Сохранилось известие, что этот фейерверк был „великолепным“ по оформлению, и в нем была показана аллегорическая декорация, представлявшая рождени-

¹ Этот брак должен был служить, по мнению современников, укреплению политического союза и дружбы между герцогством Курляндским и Россией.

² Божество любви древних римлян.

³ Божество брака у древних греков.

царевича, а также сопутствовавшая изображению ярко горевшая надпись: „надежда с терпением“.

Известно, что в 1715 г. особенно обострились отношения между Петром и царевичем Алексеем, который был ярым противником осуществлявшихся в начале XVIII в. преобразований. Реакционные силы боярства и духовенства намеревались убить Петра и с воцарением Алексея восстановить старые, исторически отжившие порядки в стране. Поэтому упомянутая декорация фейерверка, исполненная, несомненно, по инициативе самого царя и рассчитанная на определенный круг зрителей, выражала надежду Петра обрести в лице новорожденного царевича — возможного наследника престола — продолжателя своих начинаний. Одновременно она содержала намек на то исключительное терпение, которое проявлял Петр в безуспешных попытках изменить образ мыслей и поведение старшего сына.

Отметим еще один фейерверк, во время сжигания которого был представлен особым образом упоминавшийся нами „посланец любви“ Купидон. В 1723 г. в Москве (на Царицыном лугу) был организован, по распоряжению Петра, фейерверк в связи с празднованием годовщины его бракосочетания с Екатериной. Декорация фейерверка состояла из горевших белым и голубым огнем девизов, вензелей, эмблем в виде сердца и т. п., выражавших в целом прочность брачных уз и взаимную любовь соединенной пары. В течение полутора часов было введено в действие множество огненных колес, ракет, швермеров, шаров и др. Однако в данном фейерверочном зрелище наиболее примечательным было появление „ледучей машины“, оформленной в виде Купидона. Начиненная пиротехническими составами фигура Купидона была подвешена у окна резиденции Петра. Когда же Петр поджег Купидона, то последний „полетел“ по тросу к театру фейерверка и ярко осветил всю его декорацию.

В отдельных случаях фейерверки выполняли роль своеобразной газеты, информируя общество о предстоящих событиях. Так, в том же 1723 г., в связи с празднованием (в Петербурге) дня имени супруги Петра, было организовано фейерверочное зрелище, в котором, согласно утверждению камер-юнкера Берхольца — придворного голштинского герцога, были представлены горевшие эмблемы и надписи, содержащие весьма ясный намек на предстоявшее коронование Екатерины в Москве. Это, конечно, вызвало сразу же соответствующий резонанс как в дипломатических кругах, так и среди привилегированных слоев населения Петербурга и Москвы.

Данный фейерверкер был устроен на ледяном поле замерзшей Невы, напротив Зимнего дворца. При этом отметим, что воздвигнутая здесь фейерверочная декорация зажглась от „ангела с ракетой“, лестившего с помощью уже известного нам приспособления (троса) из окна дворцовой залы.

Летом 1723 г., в Петербурге, с целью прославления достигнутых успехов по созданию и строительству морского флота, была организо-

вана своеобразная публичная церемония и массовое празднество, посвященные встрече доставленного из Москвы ботика, возбудившего у Петра в юности первоначальный интерес к мореплаванию. Этот ботик признавался современниками родоначальником морского флота России выдвинувшейся к 20-м годам XVIII в. на почетное место среди морских держав.

Сперва ботик был привезен сушей в Шлиссельбург, откуда по Неве в сопровождении десяти галер под начальством самого Петра, прибыл в первых числах июня 1723 г. в Петербург. Здесь у Александро-Невской лавры ботик встречала салютами построенная в боевом строю флотилия из ста легких судов, а также находившаяся у монастыря артиллерия. Затем вся флотилия пришла к Петропавловской крепости где ботик также встречали салютами, произведенными крепостной артиллерией, пушками с большого фрегата и залпами ружей 2500 солдат, выстроенных на Троицкой площади.

В числе других праздничных мероприятий, связанных с переводом ботика в Петербург, был сожжен фейерверк на Неве, приготовленный на специальных баржах, расположенных напротив сенатского здания. с галереи и окон которого зрелище наблюдало особо приглашенные лица. Фейерверк состоял по обыкновению из множества ракет, швермеров и воздушных шаров, огненных колес и других фигур. Но наряду с этим голубыми фейерверочными огнями горели как декорация, изображавшая ботик, так и надписи, которые, по словам современника, говорили о том, что „от малых причин могут быть большие следствия“. Именно в связи с этим празднеством была напечатана выполненная И. Зубовым гравюра с двухсторонним изображением ботика, установленного на постаменте (рис. 30). На постаменте помещены аллегорические картины и надписи, посвященные созданию флота и Нижнегородскому миру. Гравюра имела целью не только запечатлеть на память потомкам „родоначальника“ флота, но и выразить историческое значение присообразовательных начинаний Петра I. Вероятно, указанные аллегории также были представлены в декорации фейерверка.

Через несколько дней знаменитому „ледушке“ русского флота были также возданы большие воинские почести на кронштадтском рейде, на месте постоянной стоянки Балтийского военного флота. После этого, в начале сентября, ботик в торжественной обстановке водворили на хранение в Петропавловскую крепость. В день этой церемонии начался большой маскарад и разные увеселения в память Нижнегородского мира, продолжавшийся восемь дней. По вечерам город был красиво иллюминирован. Упомянутый уже нами голштинский придворный Берхольц писал, что он и его соотечественники „катались по реке (Неве) и смотрели иллюминацию, которая была особенно эффектна со стороны воды“.

Уделяя большое внимание внедрению новых форм в общественный быт, Петр издает в 1718 г. указ об ассамблеях. Известно, что на

ассамблеях, наравне с дворянами, могли присутствовать купцы, приказные и „начальные“ мастеровые. Женщины дворянского сословия, не имевшие до того свободного доступа на общественные собрания, получили право посещать ассамблеи и стали их активными участницами. На ассамблеях не только развлекались, но и обсуждали вопросы государственного и общественно-политического значения. Излюбленным местом многолюдных ассамблей являлся Летний сад, основанный и значительно благоустроенный Петром. Современники Петра, оставившие описание Летнего сада, восхищались его размерами, планировкой, постройками, фонтанами, скульптурными украшениями и т. п. В Летнем саду, во время ассамблей, устраивались блестящие фейерверки и многоцветные иллюминации, отвечающие новым культурно-бытовым запросам и вкусам. В глазах иностранных резидентов они подчеркивали роскошь и великолепие Петербургского двора. Об общем характере ассамблей, бывшей в Летнем саду по поводу дня имени Петра, в СПб. „Ведомостях“ от 1/VII 1719 г. говорилось: „Гулба в вертограде царском, где же вся чувства насладились: зрение видяще неизреченнную красоту различных древес в линию и перспективу расположенных и фонтанами украшенных; тут же и речная устремления, веселящая и град, и город царский. Ухание от благовонных цветов, имущее свою сладость. Сыншание — от мусикийских, и трубных и пушечных гласов. Вкусение — от различного и нещадного пития. Осязание — приемлюще цветы к благоуханию. Последи же по западе солица были преизрядные фейерверки и огня, в гору летущаго и по водам плавающаго, было изобильно“. По окончании торжества, как сообщает газета, — „всяк во своим разыдошаеся“.

Иллюминации в Летнем саду устраивались главным образом вдоль аллей, на деревьях которых развесинивалось множество разноцветных фонариков, находившихся друг от друга на близком расстоянии. Это, по словам современника, „сильно освещало“ аллеи и было очень красиво.

В первой четверти XVIII в. фейерверки и иллюминации постоянно устраивались в Москве и Петербурге также в связи с традиционными народными праздниками. В тот период, в дни рождества, нового года, масленицы и т. п., правительственная власть в еще большей мере, чем в XVI—XVII вв., стремилась взять в свои руки организацию зрелищ и всевозможных увеселений для народа. В этом отношении особенным вниманием ее пользовались оба столичных города, где в первую очередь и внедрялись новые формы общественного быта. Современники свидетельствуют, что в обычные, ежегодно спрятавшиеся праздники в Москве и Петербурге организовывались народные гуляния, продолжавшиеся за полночь при свете фейерверочных и иллюминационных огней. В некоторых источниках даже отмечается, что „весь город“ или „все дома“ были иллюминированы. Это, конечно, является преувеличением, но вместе с тем убеждает нас в том, что праздничные иллюминации устраивались в самых

широких размерах. Есть указания, что фейерверочные зрелища, организуемые в названные нами праздники, также иногда имели такие декоративные элементы, которые придавали им определенное смысловое значение.

* * *

Фейерверки и иллюминации, организуемые в России в начале XVIII в., получали высокую оценку со стороны современников. Так, например, Берхгольц писал относительно иллюминации, устроенной в Петергофе в 1725 г.: „Каждый восхищался изобретением нового прекрасного способа иллюминировать сады, находя такое освещение истинно царским. И в самом деле, едва ли где удастся увидеть иллюминацию, которая бы соединяла в себе столько великолепия и изящного вкуса“. Говоря о фейерверке, устроенном в Москве по поводу коронации Екатерины (1724 г.), тот же очевидец отмечал: „Не думаю, чтоб бывало на свете много подобных ему“. Действительно, упомянутый Берхгольцем фейерверк имел богатое оформление. Многочисленные декорации — пирамиды, деревья, Нептун в колеснице и др. — были обведены по контурам фитильным огнем белого, синего и зеленого цвета и украшены разноцветными фонариками. (рис. 31).

Берхгольц писал также: „...Петр Великий, страстный любитель фейерверочного искусства, как в этом так и во многих других отношениях успел превзойти большую часть иностранных государей“. Действительно, в первой четверти XVIII в. русские инженеры и художники-декораторы умели устраивать исключительно совершенные по технике и по красоте оформления фейерверочные представления и иллюминации. При организации их учитывался отечественный опыт, а также использовались лучшие достижения Западной Европы и стран Востока. Известно, например, что в 1722 г. капитан гвардии Измайлов, вернувшись из поездки в Китай, привез оттуда несколько ракет, одну из которых испытал лично Петр. Измайлов рассказывал, что в Китае „делают такие фейерверки, каких ему никогда не случалось видеть в Европе“.

Многие примеры, приведенные выше, говорят о том, что в первой четверти XVIII в. фейерверки и иллюминации широко применялись для усиления праздничного характера публичных торжеств и одновременно в целях политической пропаганды. Наряду с этим, устройство фейерверков и иллюминаций было теснейшим образом связано с развитием художественной культуры. Созданию специальных фейерверочных декораций, подиуменных живописных панно-трансарантов и других видов праздничного оформления придавалось тогда исключительно большое значение, и этим занимались лучшие художники и архитекторы. С другой стороны, часто возникавшая потребность в таких работах, производившихся в значительных размерах, способствовала росту художественных кадров. Богатый и разнообразный комплекс декоративных средств, создававшихся в честь знаменательных событий, культивировал

новые художественные вкусы среди широких слоев горожан. Картины, представленные как в фейерверочных декорациях, так и в праздничном убранстве улиц и площадей, были светского содержания, рассчитаны на восприятие основных масс городского населения и отражали черты прогрессивного искусства того времени.

Устройство фейерверков и иллюминаций положительно сказалось также на решении отдельных утилитарных задач. В первой четверти XVIII в. в равной мере быстро развивалась как военная, так и потешная пиротехника, связанная с фейерверочным искусством. Улучшение пиротехнических артиллерийских составов, производившихся в большом количестве в связи с Северной войной, сразу же сказывалось на качестве фейерверочных изделий. С другой стороны, экспериментальная работа в лабораториях по созданию разнообразных фейерверочных фигур также приводила к новым открытиям в деле изготовления взрывчатых и горючих материалов. Несомненно, что эти достижения тотчас же использовались в свою очередь в военных целях. Многие документы свидетельствуют о том, что правительство Петра и сам он постоянно и энергично занимались организацией производства пиротехнических составов, употреблявшихся как в военном, так и в фейерверочном искусстве. Можно утверждать, что в ходе Северной войны русская пиротехника по уровню своего развития заняла первое место в мире. Это получило общее признание после Полтавской победы. По поводу морского парада на Неве, устроенного Петром в 1710 г., датский посланник и боевой морской офицер Юст-Юль писал: «Трудно себе представить какая масса пороха изстреливается за пирами и увеселениями, при получении радостных вестей; на торжествах и салютах, подобно нынешнему; ибо в России порохом дорожат не более чем пеком, и вряд ли найдешь в Европе государство, где бы его изготавливали в таком количестве и где бы, по качеству и силе, он мог сравниться с здешним.»

Развитие фейерверочного искусства в конце XVII — начале XVIII в. способствовало улучшению сигнальной службы в армии и флоте. Это вполне очевидно, если принять во внимание, что именно в то время ракеты и другие фейерверочные фигуры стали применяться для подачи сигналов не только в военном деле, но и в других случаях. Праздничные салюты из пушек и ружей, например, стали впервые производиться именно тогда по сигналу ракеты. В начале XVIII в. был введен в морском флоте и тщательно разработанный устав сигнализации в ночное время посредством разноцветных фонарей.

Праздничные иллюминации способствовали также организации в начале XVIII в. постоянного уличного освещения в Москве и Петербурге.¹ Об иллюминации, устроенной в Москве в ознаменование Полтавской

¹ Кстати сказать, и в крупнейших городах Западной Европы уличное освещение стало вводиться в конце XVII — начале XVIII в.

победы, Юст-Юль писал: „Вечером по всему городу у домов знатных лиц были зажжены иллюминации, изображавшие разного рода аллегории. Потом они зажигались в течение всей зимы, пока вечера были долгие, и горели чуть не ночи напролет“.

Иллюминация, устроенная в Москве в связи с торжествами, посвященными Ништадтскому миру, также не разбиралась в течение многих месяцев. При этом на некоторых улицах фонари были подвешены на столбах, расположенных на расстоянии всего трех сажен друг от друга.

Другие факты также говорят о том, что праздничные иллюминации прокладывали путь к регулярному уличному освещению. В 20-х годах XVIII в., особенно в Петербурге, организация этого вида городского благоустройства проводились уже в сравнительно широких размерах.

* * *

Разносторонняя практика устройства фейерверков и иллюминаций в Петровское время оказала большое влияние на дальнейшее развитие фейерверочного искусства. На протяжении всего XVIII в. огненно-световые зрелища занимают первостепенное место в программах различных празднеств. В Петербурге, на стрелке Васильевского острова, в 1730-х годах был сооружен даже особый открытый театр столь значительных размеров, что на площадке его показывались великолепные фейерверочные представления. Проекты таких представлений разрабатывались в XVIII в. Академией наук и Академией художеств совместно с артиллерийским ведомством. В этом принимали участие такие видные деятели русской культуры как Ломоносов, Кулибин, академик Штелин, рисовальщик и гравер Соколов, архитектор Казаков и другие.

С 20-х годов XIX в. начался новый этап в развитии увеселительной пиротехники. На основе химических открытий стали изготавливаться составы, дававшие разнообразные цветные огни яркого пламени. Паряду с этим фейерверочные средства обогатились другими нововведениями: ракетами с парашютом, применением к фейерверкам боевых ракет и т. п. Все это способствовало устройству еще более эффектных и красочных зрелищ.

До второй половины XIX в. сравнительно часто давались сложные фейерверочные представления по поводу различных официальных торжеств. Как и прежде, в них показывались декорации театрального типа, иногда участвовали актеры, многочисленные хоры и оркестры.

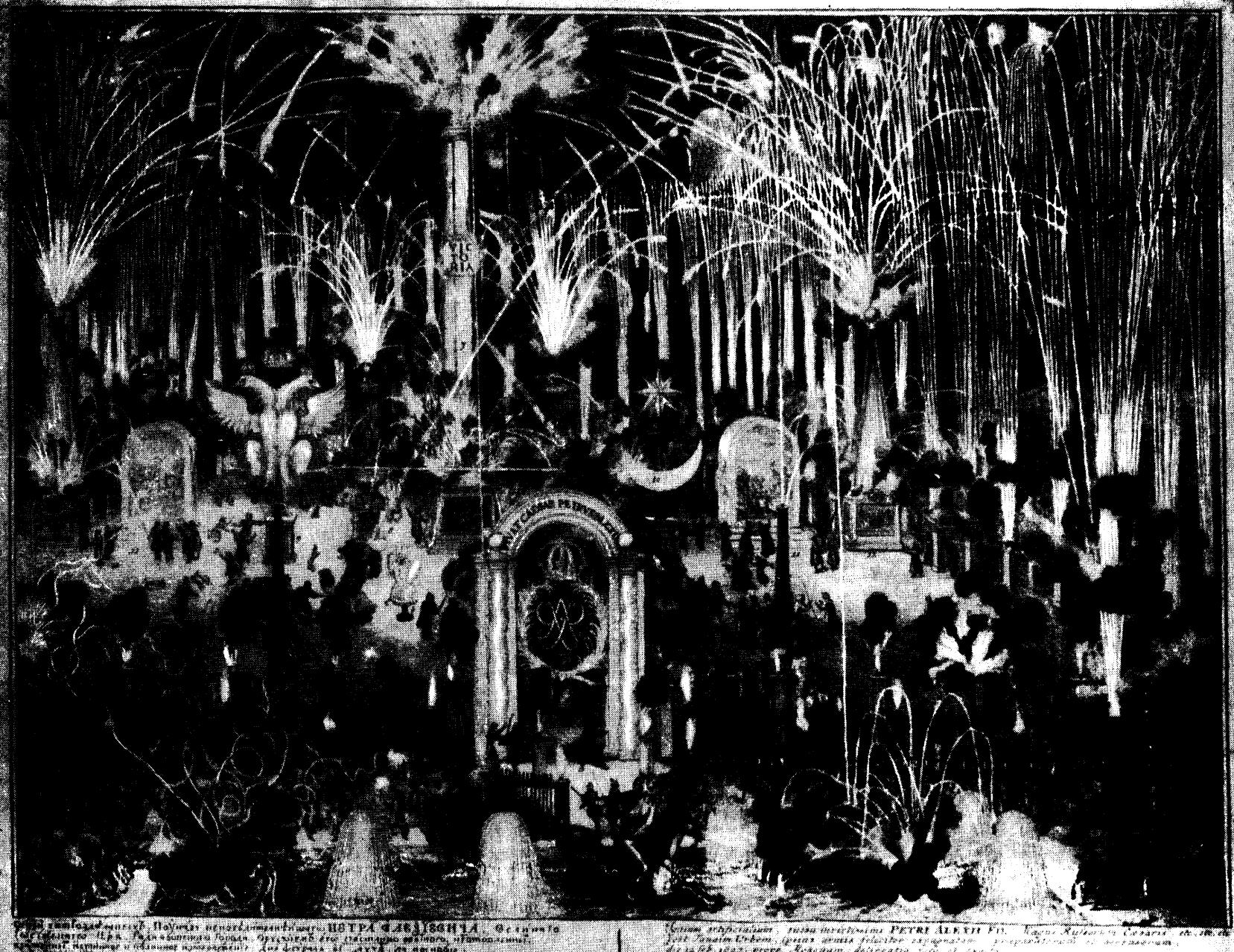
К концу столетия, в силу ряда причин, специальные декорации фейерверков создавались все реже, мельчали в масштабах, становились менее интересными по содержанию и художественному исполнению. Но при этом продолжали совершенствоваться чисто пиротехнические эффекты.

Для конца XIX и начала XX в. характерно широкое использование фейерверочных развлечений на празднествах, устраиваемых частными лицами, обществами и учреждениями.

В настоящее время все больше возрастает интерес к фейерверкам, украшающим общественный быт советских людей. Они стали сжигаться не только в дни больших торжеств, но часто и на обычных народных гуляньях. Тем не менее, фейерверочное искусство не получило еще у нас должного развития. На основе современных технических возможностей и богатого опыта прошлого, при участии художественно-творческих и политико-просветительных учреждений, можно организовать исключительно разнообразные и красивые фейерверочные представления, в которых огненно-световые композиции сочетались бы с театрализованными сценами и декорациями, создавая совершенно особый, яркий и глубоко впечатляющий тип массовых зрелищ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Общий вид фейерверка, устроенного в феврале 1697 г. в ознаменование победы русских войск под Азовом.